

АНДРЕЙ НИКОНОВ

САНИТАР

СЕРГЕЙ ТРАВИН
ЧАСТЬ VII, ЗИМА 1926

Андрей Никонов

Санитар

«Автор»

2026

Никонов А.

Санитар / А. Никонов — «Автор», 2026

Зима 1926 года. Шотландский инженер Джон Бэрд провёл первый в мире телесеанс, на широкий экран вышел фильм «Броненосец «Потёмкин», а компания "Дерулюфт" открыла авиасообщение между Москвой и Берлином. Шофёр санитарной машины Сергей Травин не ищет приключений, они сами его находят. Преступный мир столичного города жесток и беспринципен, но закон и справедливость обязательно восторжествуют, если за дело берётся простой советский парень с тёмным прошлым и ещё более тёмным будущим. Драки и погони, сыщики и воры, любовь и предательство, полное погружение в атмосферу Советской России 20-х годов 20-го века – в новой, седьмой книге из цикла «Сергей Травин, советский детектив».

© Никонов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	6
Глава 01.	11
Глава 02.	17
Глава 03.	22
Глава 04.	29
Глава 05.	35
Глава 06.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Никонов

Санитар

***Все персонажи и их имена, географические названия, детали быта, мест, технических устройств и методов работы правоохранительных органов в произведении вымышлены, любые совпадения, в том числе с реальными людьми, местами и событиями, случайны. Мнения, суждения и политические взгляды автора и героев книги никак не связаны. Не является историческим произведением.*

Серия книг о Сергее Травине –

В порядке написания.

1. Управдом
2. Почтальон
3. Шофёр
4. Артист
5. Беглец
6. Личное дело
7. Санитар

В хронологическом порядке

1. Шофёр – 1925 год
2. Санитар – 1926 год
3. Управдом – 1927 год
4. Почтальон – 1928 год
5. Артист – 1928 год
6. Беглец – 1929 год
7. Личное дело – 1929 год

Пролог.

1920 год, Москва

Зима на третий год советской власти выдалась лютой, с декабря термометры застыли на отметке минус тридцать, к январю температура упала до тридцати пяти, и начала расти только во второй декаде февраля. Первыми почувствовали приближение холодов беспризорники, они ещё начиная с конца сентября перебирались в тёплые края на крышах поездов и в товарных сцепках, следом потянулись те, кто имел возможность уехать в деревню или ещё куда подальше, но таких среди горожан осталось немного, после революции население Москвы уменьшилось вдвое, оставшиеся кое-как выживали в холодных, без воды и электричества домах. В сильные морозы воздух над городом застыл в стеклянной неподвижности. Дым из труб падал вертикально вниз, не разгоняясь ветром, и ложился на снег чёрной коркой, на Арбате лошади валились в снег прямо на ходу, копыта примерзали к наледи, а из ноздрей валил пар, густой, как из паровозной трубы. Рабочие, служащие учреждений, подёнщики и прочие занятые граждане шли на работу, а потом стояли за скудным пайком, закутавшись в обноски и обложившись газетами, которые служили теперь не для чтения, а для спасения от холода, после вынужденных вылазок бумажная подкладка сгорала в буржуйках. На Сухаревке, несмотря на мороз, толпился народ, горожане обменивали последние вещи на муку из кормовой пшеницы пополам с соломой, которую свозили на рынок мешочники из соседних областей. Деньги с каждым днём по цене приближались к бумаге, на которой их печатали, пайки у рабочих сокращались до полуфунта хлеба в день, мебель, какая ещё оставалась, исчезала в буржуйках, за связку дров на улице могли убить.

Тем не менее жизнь не прекращалась, работали театры, больницы и даже два цирка, родильные дома не оставались без пациентов, в разрухе и нищете советская власть находила силы, чтобы хоть как-то поддержать трудящихся, милиция ловила бандитов, создавались коммуны для беспризорников, а в Сокольниках, в бывшей даче купца Лямина, в лесной школе для детей на Новый год устраивали ёлку.

По Пречистенке, некогда парадной московской улице, где до революции прогуливались дамы в норковых мантиях и бриллиантах под руку с офицерами в галифе, теперь ползли тени. Самые страшные морозы прошли, на улице немного потеплело, и люди вылезали наружу, по своим нехитрым делам. Женщина в потрёпанном бобровом пальто, на котором мех местами вылез ключьями, обнажая серую подкладку, тащила за верёвку самодельные санки. На ногах у прохожей были ботинки с дырой у большого пальца, заткнутой ватой и обмотанной брезентом. Лицо исхудало, скулы торчали, глаза горели отчаянным лихорадочным огнём, в свои тридцать пять женщина выглядела старухой. Она свернула в Еропкинский переулок, где стоял двухэтажный флигель с облупившейся штукатуркой. Окна первого этажа были заколочены досками, но в щель между ними сочился слабый свет керосиновой лампы. Женщина постучала три раза коротко и два длинно, после долгой паузы заскрипела задвижка, дверь приоткрылась на два пальца.

- Кого Бог послал? — проскрипел голос из темноты.

- Это я, Афанасий Кузьмич, Болотникова Анна Георгиевна, - женщина дрожала с мороза, губы еле двигались.

Дверь отворилась шире. Внутри пахло нафталином и махоркой, возле печки-голландки, обложенной изразцами с потрескавшейся глазурью, сидел старик лет семидесяти, с лицом, иссечённым морщинами, как кора старого дуба. На нём был ватник поверх поддёвки из чёрного сукна, на ногах чувяки, обмотанные портянками. От голландки шёл жар, заставивший

гостью податься вперёд, к живительному теплу. Хозяин дома насмешливо пошевелил нависшими бровями.

- Давай, прижмись, чего уж там.

Гостья благодарно кивнула, прислонилась спиной к изразцам, чувствуя волну тепла, проникающую сквозь одежду. Она стеснялась тряпья, в которое пришлось одеться, чтобы не испачкать единственное оставшееся приличное пальто.

- Чего принесла?

- Вот.

Болотникова стянула с руки варежку, посиневшие от холода пальцы дрожали, на большом пальце сверкнуло золото, массивный перстень с рубином и вензелем «А.К.». Камень отливал тёмно-красным, словно запекаясь кровь. Старик забрал драгоценность, повертел, подбросил на ладони, положил на стол, прошаркал в соседнюю комнату, принёс оттуда поднос, на котором стояли ювелирные весы и склянка, рядом лежали игла, пинцет и лупа, взял перстень пинцетом, поднёс к лампе, провёл иглой по камням, потом поцарапал золото, капнул из стекляшки едко пахнущей жидкости, подождал несколько секунд, вытер украшение ветошью.

- Недурно, - признал он, - муженька вашего?

- Батюшки, - неохотно призналась гостья, - до последнего хранила, как память.

- Да уж, помню Аркадия Петровича, когда ещё в будке стоял, большой был барин, - хозяин ухмыльнулся, - на Рождество, бывало, не иначе как тремя целковыми одаривал, да и другими праздниками не гнушался. Не то что статский советник Болотников, муженёк ваш, так себе был человечешко, дрянной, промеж нами говоря.

Женщина кивнула, она готова была согласиться с чем угодно, лишь бы подольше стоять вот так, спиной к пышущей жаром печи. Старик достал из ящика стола счёты, откинул несколько костяшек, взвесил перстень.

- За колечко дам восемь фунтов муки.

- Отчего так мало? Раньше почти полпуда было.

- Времена тяжёлые, да вы и сами знаете. Пойдите вон на рынок, и того не дадут, уверяю, ещё и ножиком пырнут, а у меня всё по чести, оттого и тянутся люди. Вот давеча Лютовы заходили, и Поземские, и другие ваши друзья-приятели, без покупателей не остаюсь. Исключительно из уважения к батюшке вашему не торгуюсь. Да и мука, честно сказать, дрянная стала, но ничего другого лучше не найдёте, поезда ходят кое-как, зима вон какая страшная.

- Как же, - Болотникова всплеснула руками, - ну Афанасий Кузьмич, хотя бы ещё немного, Сашенька совсем плох, вы же знаете Сашеньку, сыночек мой.

- Хорошо, - старик вздохнул, - помните мою доброту, дам ещё полдюжины яиц и сала на палец.

- И дров хоть чуток.

- Ладно, раз уж такое дело. Но более не просите, барыня, или вон, на рынок идите.

Словно «барыня» он произнёс с усмешкой. Женщина это поняла, не возразила, обречённо кивнула.

- Вот и славно. Эй, Ванька, отмерь полчетверика муки без малого да полдюжины калёных яиц замотай хорошенько, и сала отрежь, чтобы мяса там потолще. Ваньку помните? Младшенького сынок, толкался у вас в прихожей, далече-то не пускали, в чистые покои, ну да ничего, я понятие имею, времена были другие. А ныне эвона как повернулось, кто, как у красных поётся, был ничем, тот стал всем. Суета сует, в Екклезиасте не зря сказано.

Розовощёкий парнишка лет двенадцати-тринадцати помог прицепить на санки куски досок, на них поставил завязанный верёвкой грязный мешок, почти пустой. Болотникова прятала глаза, старик на неё выжидающе посмотрел.

- Спасибо, - прошептала женщина через силу, - век вашей доброты не забуду, Афанасий Кузьмич.

- И я не забуду, - бросил старик в закрывшуюся дверь, - видишь, Ванька, баре какие стали, раньше-то плевали на нас, нос воротили, стоишь, бывало, в будке, а они несутся выездом, грязь из-под копыт летит, а ты во фронт, значит, и честь отдаёшь. Теперь вона, милостыню выпрашивают, скажу, чтобы на коленях ползли, поползут. В ногах валяться станут, пыль глотать, потому как мы теперь хозяева, наше время пришло. И всё же, зря я ей добавки дал, и так бы хватило, разжалобила меня. Дай-ка книгу мою.

Толстый grossбух с трудом уместился у хозяина дома на коленях, он пододвинул поближе лампу, зашелестел страницами, мусоля карандаш.

- Болотниковы, вот они. Колечко прятала барыня до последнего. Так и запишем, что получено, камушек хороший, можно оставить, золотишко на мануфактуру сменяем, а её на сало да муку, вернётся всё с прибытком. Вилки с ложками серебряные она занесла, и картины, и сервиз саксонский, а мебель небось в печке сожгла, да и ладно, возиться с нею себе дороже. Что у тебя осталось, статская советница Болотникова? Ага, оклад с иконы, как же, помню его, жемчуга там крупные, ну так зима длинная, ещё принесет. Запоминай, Ванька, и учись, людишки, они гордые, когда сытые, а чуть прижмёт, всё слетает, так ты вызнай про них, чем владеют, что отдать могут, и в нужное время рядом окажись, с пустым брюхом они на любую мену согласные. Так и получишь за товар втридорога, а то и в десять раз, и главное, сами принесут, да ещё и умолять станут.

Санки скрипели, оставляя след на плохо утоптанном снегу. Болотникова тащила их, наклонившись, волоча за верёвку-оглоблю. Мороз впивался в лицо, как нож, тепло, ухваченное у спекулянта, потихоньку выветривалось. У поворота к Сивцеву Вражке, где между домами зияла тёмная арка, её окликнули:

- Эй, гражданочка, куда груз везёшь?

Из тени выступили трое, на вид совсем не голодранцы, в чистых ватниках, за ремни с медными пряжками заткнуты меховые рукавицы, на ногах валенки с галошами. Лица у них были круглые и румяные, эта троица явно не голодала. Один, высокий, с густыми усами и шрамом через левую бровь, курил папиросу, второй, коренастый, с красным лицом и кривыми зубами, держал в руке нож. Но главным у них был третий, совсем молодой, лет двадцати, с накинутой на ватник офицерской шинелью и с пистолетом за поясом.

- Ну-ка, покажи, что там у тебя, товарищ женщина, - протянул усач, подходя ближе, от него несло водкой и чесноком.

- Милостивые государи, - Болотникова прижала руки к мешку, - ради Бога, там совсем чуть-чуть. Дитя дома умирает, пожалейте.

- Дитя? - фыркнул коренастый, подходя сбоку, - а мы, по-твоему, бездетные? У меня трое малых, тоже есть просят. Делиться надо, как Бог велел. Эй, Грач, а ну погляди, что у неё там?

- Ты мне не приказывай, Митька, - усач сплюнул коричневым сгустком на снег, - равенство у нас.

Он обошёл женщину, окинул взглядом санки, пнул ногой мешок, усмехнулся.

- Что, наворовала?

- Да нет же, - растерянно пролепетала женщина, - это я поменяла, всё честно.

- У кого меняла? - парень в офицерской шинели развязал мешок, заглянул, - сколько отдала?

- Колечко, - Болотникова беспомощно оглядывалась, но прохожие, едва появившись, старались тут же скрыться из виду.

- Дорогое? Снега мало намело на санки, значит, рядом это. К кому ходила, гражданка? Адресок шепни.

Женщина молчала, опустив глаза, помимо моральных принципов, которые почти исчезли за последние годы, выдать спекулянта означало, что никаких продуктов она больше не получит, а соваться на рынок ей было страшно, там и вправду могли за кусок хлеба зарезать, не то, что за кольцо. Уж лучше пусть эти отберут, за половицей кое-что припрятано, жизнь научила.

- Спрашиваю, к кому ходила? - парнишка схватил её за подбородок, заставил поднять лицо. - Отвечай.

- Не знаю, случайный человек, - прошептала Болотникова, - адрес не помню.

- Врёшь! - коренастый пнул санки ногой, мука просыпалась сквозь дыру в лопнувшем мешке, - спекулянта покрываешь, кровопийцу, мы сейчас тебя к стенке поставим за это, да, Веня? По закону революционного времени.

- Отпустите, - женщина упала на колени в снег, - ради Христа, деточку пожалейте, тиф у него.

- Тиф? - Веня присел перед ней, - сочувствую, у меня братец от этой лихоманки сгинул в прошлом году. Так что я тебя понимаю. Очень хорошо понимаю.

Он провёл пальцем по её холодной, обветренной щеке, Болотникова дёрнулась было, но отвернуться не решилась.

- Красивая была раньше, небось? До революции? В театре вечера проводила, на балах крутилась? Вижу ведь, что из бывших. А теперь муку таскаешь да торгашу поганому кланяешься. Вот они, Liberté, Égalité и самое что ни на есть Fraternité. Так что не скрывай, где твой знакомый находится, отведи нас к нему, а муку мы тебе оставим, да добавим ещё чего, не пожалеем.

Женщина замотала головой, из глаз текли слёзы.

- Молчит, падла такая, - проворчал коренастый, - спекулянта выгораживает.

- То-то и оно, - парнишка в шинели поднялся, стряхнул снег со штанов, - предавать не хочет, совесть имеет, не каждому дано. Похвально, да уж так случится, гражданочка, что скажешь ты нам всё равно, по-хорошему или по-плохому, только во втором случае твоё дитятко мамки домой не дождётся. А в первом мы твой мешок продуктами набьём, на всю зиму хватит. Решайся.

Болотникова выгоду свою поняла, готова была всё рассказать, но в этот миг из-за угла раздался окрик:

- Милиция! А ну руки вверх подняли!

Два милиционера, один повыше, другой низкий, в шинелях с красными повязками на рукавах выскочили на улицу, выставив револьверы наизготовку. Усач и молодой юркнули между заборами, коренастый, задержавшись на мгновение, обернулся, и в ярости ткнул женщину в живот ножом.

- Получи, гнида.

Она осела без крика. Санки опрокинулись, мука рассыпалась по снегу белым пятном, свёрток с яйцами хрустнул под сапогом. Коренастый бросился бежать, раздался выстрел, бандит упал у поворота, раскинувшись руками и ногами на снегу.

- Саня, за остальными! Живо! — крикнул высокий милиционер, бросаясь к женщине.

Он опустился на колени, разорвал воротник, кое-как разматал тряпки, сколько смог, из прорехи на животе сочилась тёмная густая кровь, женщина дышала прерывисто, глаза закатились. Санька вернулся через минуту, развёл руками, мол, догнать не удалось.

- Доктора ей надо, - сказал высокий, - давай, повезли в Шереметьевскую, авось по дороге кого поймает домчать.

- А еда? Жалко ведь, - Санька смотрел на мешок голодным взглядом.

- Бери. А ты держись, гражданка, держись, всё хорошо будет.

Санька перекрестился, взял женщину за ноги, помогая напарнику, сверху уложил лопнувший мешок. Снег начал падать гуще, медленно засыпая следы ног, отпечатки санок, лужу крови, рассыпанную муку. Город молчал, погружаясь в белую тусклую пелену.

Глава 01.

*15 января 1926 года, пятница
Москва.*

Карета скорой помощи несла Сергея Травина по улицам Москвы со скоростью никак не меньше сорока пяти, а то и пятидесяти вёрст в час. Принятые в городе правила движения самоходных экипажей ограничивали скорость двадцатью верстами, но мало кто это ограничение соблюдал, тем более, если дело было таким срочным. Мерседес с белой надписью по борту и пронзительным сигналом швыряло из стороны в сторону, натянутые на ободы почти новые покрышки пробуксовывали по слежавшемуся снегу, крылья таранили сугробы, фельдшер Незванова, совсем ещё юная девушка, обладательница россыпи веснушек, курносого носика и вздёрнутых бровей, одной рукой прижимала плечи пациента к носилкам, а другой придерживала на его груди пропитанную кровью повязку. Доктор Кругликова, лет на двадцать с хвостиком старше Незвановой, вцепилась пассажиру кареты в щиколотки, и что-то нервно бормотала к себе под нос, одновременно пытаясь перекреститься. Мерседес миновал Сретенку, выехал на Сухаревскую площадь, обогнул с левой стороны башню, в которой буквально на днях открыли Московский коммунальный музей, и влетел на территорию бывшей Шереметьевской больницы, ставшей при советской власти институтом неотложной помощи. Водитель начал тормозить сразу после ворот, машину несло по наледи, попавшиеся на дороге санитары с носилками отпрыгнули в сугроб, грозя лихачу кулаками, а тот, резко вывернув рулевое колесо, юзом остановился возле приёмного покоя хирургического корпуса.

Их уже ждали, пациента погрузили на каталку, и потащили по залитым электрическим светом коридорам в операционную, а шофёр и бригада скорой помощи вылезли из автомобиля под затихающую выюгу. Фельдшерица Людочка Незванова тут же убежала вслед доставленному больному, Кругликова закуталась в поданный санитаром тулуп, дрожащими пальцами раскурила папиросу, и ткнула водителю сухим кулачком в грудь.

- Никогда, слышите, Серёжа, никогда я больше не сяду с вами в этот проклятый драндулет. Вот скажите, с чего вы так носитесь, куда торопитесь? На тот свет решили раньше времени попасть?

- Нет того света, Варвара Алексеевна, - парировал Травин, он как ехал в коротком расстёгнутом полушубке, так и остался, шарф, небрежно обёрнутый вокруг шеи, почти не защищал от пронизывающего морозного ветра, - так на лекциях по политграмотности говорят. Каждый раз от вас такое слышу, а ведь не первый раз со мной катаетесь. Вон, к Ложечнику Пал Степанычу садитесь, он мужчина степенный и осторожный, выше тридцати пяти не лезет. Или к Погребняку, его смена вечером, поопытнее меня будет.

- Ой, Матвей тот ещё лихач, похуже вас, угораздило меня на прошлой неделе к нему попасть, гнал словно чокнутый, он перепрыгнул сугроб и ехал на двух колёсах, так что больной вместе с нами чуть не опрокинулся. А Ложечник ругается как извозчик, и ещё носилки удержать не может.

- У всех свои недостатки. Тут, доктор, ни минуты терять нельзя, если клиент помирает, вот и гоню. Ну что, продышались? Идёмте чай пить, а то неровён час опять кто-нибудь решит дуба дать.

Варвара Алексеевна вздохнула. Формально именно она была начальником бригады скорой помощи, куда, кроме доктора, входили фельдшер и водитель, однако в присутствии Травина иногда тушевалась, и думала, что теряет авторитет. Бригады формировались стихийно, к каждому вызову, но чаще всего получалось, что к паре медицинских работников попадал

один и тот же водитель. Нужды города обслуживали пять автомобилей Мерседес, закупленных в Германии специально для нужд станции скорой помощи института имени знаменитого хирурга Склифосовского, автомашины стояли в гараже авторемонтного завода на Миусской площади, должны были появляться по звонку, но часто в течение дня обратно в гараж не возвращались и дежурили возле приёмного покоя. Профессия шофёра санитарной кареты считалась престижной, у всех водителей была как минимум вторая категория, а то и третья, тот же Погребняк сидел за рулевым колесом больше десяти лет, и участвовал в автопробеге 1925-го на итальянском Фиате.

Мерседес, по мнению Травина, был куда удобнее таксомоторного Рено. Санитарную кабину поставили на шасси представительского лимузина, с мощными рессорами и двумя отопителями - для изолированного санитарного отсека, и отдельно для водительского салона с мягким кожаным диваном. Мощный двигатель с компрессором разгонял тяжёлую машину до ста километров в час, правда, по ровной дороге, каких в Москве было не сыскать, но и на булыжных мостовых с выбоинами и ухабами детище инженера Даймлера держалось достойно.

Станция принимала вызовы к самоубийцам, тяжелораненым, обгоревшим и отравившимся, а к обычным больным, особенно заразным, не ездила, для этого к больнице прикрепили ещё девять автомобилей неотложки. Сергей сам не так давно был одним из пассажиров, его с пулей в груди везли из Сокольников на таком же Мерседесе, а потом оперировали в новенькой операционной комнате с заграничным оборудованием. Он провалялся в больнице несколько дней, вышел на работу, как раз к этому времени прибыли из Франции ещё сто таксомоторов, и часть из них за неимением свободного места разместили в гараже Автопромторга на Миусской площади, там же, где стояли санитарные Мерседесы. Травин перешёл туда вместе с новичками, а через пару недель решил сменить работу, и сел за рулевое колесо автомобиля скорой помощи.

Смена длилась двенадцать часов, потом водители сутки отдыхали, к воскресным и ночным добавляли по два рубля с полтиной, так что недостатка в шоферах не было, заболевших подменяли тут же, особенно семейные - у них денег всегда не хватало. С вызовами дело обстояло каждый день по-разному, работы хватало, но самоубийцы и прочие бедолаги не калечили себя по расписанию, так что некоторые успевали даже хорошенько выспаться в промежутках между рейсами, редко бывало так, как сегодня, чтобы все пять экипажей одновременно колесили по городу.

В общей комнате на диванчике, стоящем возле батареи парового отопления, лежал доктор Агамалов, книжку читал и курил. Он вяло помахал рукой, в качестве приветствия, Кругликова скинула тулуп на стул, ушла проводить пациента, Сергей налил стакан горячего чая из самовара, бросил два куска колотого сахара, заглянул в оставленный туесок.

Работников станции кормили из столовой института, сёстры приносили кастрюльки и судки в ординаторскую. Водители, оформленные в автогараже, питания не получали, на вызовы привозили еду с собой, поскольку их могли сорвать с места в любой момент. Травин покупал пирожки за гривенник в кооперативной булочной на Миусской площади, они были хоть и маленькими, но очень сытными. Их пекли из пышного теста с печенью, щедро приправленной луком, яйцами и сливочным маслом, и натирали желтком для блеска, даже к обеду на следующий день выпечка оставалась мягкой и свежей, особенно если подержать её возле печи. Четырёх штук вполне хватало, чтобы продержаться всю смену, даже с избытком, однако всегда находились те, кто готов был с Травиным еду разделить, или поделить. Часто, возвращаясь из очередной поездки, Сергей не досчитывался одного или двух пирожков, так что стал покупать с запасом.

- Как мы мчали, а? - Людочка влетела в ординаторскую, схватила стакан, обожгла пальцы, и затрясла рукой. - Карапет, ты бы видел, что Серёжа в очередной раз устроил, Кругликова аж поседела.

- Куда спешить, а? - при виде девушки доктор Агамалов подтянулся, отложил книгу и даже расчёской по густым волосам провёл, - носятся как угорелые, а мне потом лечить.

У Карапета, уроженца Эриванской губернии, был выраженный кавказский акцент, однако говорил он по-русски правильно, иногда даже с какой-то аристократической вычурностью.

- Да не ворчи ты. Чёрт, как же жрать охота.

- Налетай, - Травин пододвинул пирожки и чай фельдшерице, - а то, чую, сейчас опять вызовут.

Девушка манерничать не стала, вцепилась зубами в холодное тесто.

- Подогрел бы, что ли, - недовольно сказала она, - сам вон тоже остывшее ешь, да ещё всухомятку, от этого желудок работает плохо. Да, Карапет Иванович?

- Абсолютно верно подмечено, - авторитетно подтвердил Агамалов, - спазм может случиться. И вообще, что за привычка пирогами обедать, нормальный обед должен состоять из правильной перемены блюд, от закуски до десерта, чтобы желудок расправился и согрелся.

- Карапет, - Сергей пристально посмотрел на доктора, - а что это у тебя губы сальные?

Но Агамалов не повёлся, фыркнул и снова углубился в чтение. Травин забрал один пирожок себе, в один присест проглотил, второй повертел в руках и отложил - перед сменой он плотно позавтракал, и рассчитывал не менее плотно поужинать.

- Ну что там наш пассажир?

- Юдин сказал, вовремя привезли, - Людочка смахнула крошку со стола в ладонь, аккуратно слизнула, - ещё бы минут десять, и всё, ребро лёгкое проткнуло. Однако хоть и помирал, пристаивал даже ко мне, сволочь. Когда ехали, думала, угробишь нас, а оказалось, жизнь ты ему спас.

Доктор, перелистывая страницу, пробурчал:

- А мог бы и отнять. Настоящий джигит, право слово.

- Ага, - Травин потянулся, зевнул, - дороги почти пустые, только гляди, как бы кого не придавить случайно, да и расстояния пустяшные, что там от одного конца Москвы до другого, рукой подать. Вздремну, что ли. Люська, охраняй пироги, без боя не отдавай, если будут одолевать, уничтожь.

- Будет сделано, товарищ комвзвода, - бодро ответила Незванова, и забрала себе ещё один пирожок.

Сны Сергею почти никогда не снились, он проваливался в небытие практически сразу, стоило принять удобное положение, и так же легко просыпался. И никогда не чувствовал даже после короткого отдыха разбитости или усталости. Из дрёмы его вырвал хлопок по плечу. Фельдшер Незванова махала перед носом бумажкой с адресом.

- Вставай, засоня, накаркал, Варвара Алексевна уже в машине ждут, срочный вызов, а все разъехались.

Кругликова стояла на улице в накинутом на плечи тулупе и нервно ковыряла валенком снег. Сергей помог ей залезть в салон, захлопнул за ней дверь, уселся сам, левой рукой дёрнул рычаг переключения передач - на этой модели, как было принято в Европе, руль ставили с правой стороны. Фельдшерица устроилась посерединке, и держала бумажку с адресом.

- Ранение в живот ножом, Цирк на Цветном бульваре. Это же рядом, да?

- Можно и пешком добежать, дольше разгоняться и тормозить, - Травин притормозил, пропуская гружёную повозку, дал короткий сигнал, свернул направо, на Садовое кольцо, кое-

как расчищенное армией дворников, обогнал переполненную «Букашку», свернул на Цветной, и остановился возле здания с надписью «Госцирк №1».

Цирк Саламонского на Цветном бульваре открылся в 1880-м году, на месте цветочного рынка, и сразу стал популярным. Здесь выступали династии Дуровых, Сосиных и Трущи, однако одними представлениями дело не ограничивалось. Саламонский надеялся на богатое купечество, для состоятельных клиентов он организовал пять рядов кресел, в буфете можно было сыграть в карты на деньги и полюбоваться на полуголых танцовщиц. Клиенты сорили деньгами не скупясь, старожилы вспоминали, как клоун Танти продал купцам за две тысячи рублей учёную свинью, а те её зажарили и съели.

В 1919-м цирк национализировали, Саламонский обосновался в Риге, и вообще, многие артисты уехали за границу, а те, что остались, старались идти в ногу со временем и политической жизнью страны. Для клоуна Лазаренко антрепризы писал сам Маяковский, эквилибристы перепрыгивали через пылающее чучело собирательного образа капиталиста, на манеже пели частушки про НЭП и выступали наездники в форме Первой конармии.

Травин остановился возле входа, на углу жонглёр перекидывал обручи из руки в руку, зазывала при виде кареты скорой помощи тут же сориентировался, и начал кричать, что даже больные и покойники готовы ехать в цирк на чём угодно. У дверей топтался пожилой мужчина в ливрее с галунами, из-под неё торчал вязаный английский свитер. Он безошибочно выбрал среди троих доктора, потащил Кругликову за рукав, что-то невнятно тараторя, внутри передал представительной женщине с седым пучком волос на голове и массивными очками в роговой оправе.

- Ну где же вы ходите, помирают ведь, - сказала женщина густым басом, сложив руки на животе.

- Кто и где? - врач огляделась, фойе было полупустым.

- Второй этаж, торопитесь.

И повелительно указала рукой на уходящую вверх лестницу. Первой ринулась вперёд Люся, за ней - Травин с носилками, Кругликова еле поспевала, тяжело дыша, басовитая женщина не торопилась, чинно шагая по ступеням. Возле открытой двери с табличкой «Делопроизводственная» толпился народ в сценической одежде, пытаясь заглянуть через головы, их сдерживал швейцар. Пришлось приложить силу, чтобы толпу отодвинуть, и после короткой борьбы бригада скорой помощи на конец проникла в небольшое помещение, уставленное канцелярскими шкафами. Окно, выходящее на бульвар, с наступлением холодов плотно заклеили, в комнате, несмотря на усилия работника цирка, находились ещё полтора десятка любопытных, которые столпились вокруг раненого и обсуждали, как бы ему ловчее помочь.

- Покиньте помещение, - громко сказал Травин, но его никто не послушал.

Тогда он взял за шкуру тощего субъекта в трико, стоящего ближе к двери, и вышвырнул в коридор. Прodelал то же самое раза три, после чего народ наконец осознал, что здоровяк не шутит, и потянулся к выходу. Меньше, чем через минуту в комнате осталась бригада скорой помощи, раненый, женщина в роговых очках и невысокий чернявый паренёк лет тринадцати-четырнадцати, которого крепко обхватил военный с синими петлицами на гимнастёрке, судя по трём квадратам - комроты. Сапогом он прижимал к полу окровавленный сапожный нож.

Старик с крючковатым носом и лысой головой лежал на полу и тяжело дышал. Кругликова присела рядом, раскрыла медицинский саквояж.

- Состояние тяжёлое, - она разрежала одежду старика ножницами, и накладывала на живот повязку, - Серёжа, приготовьтесь, сейчас будем выносить.

- Ковёр испачкали, - с огорчением сказала басовитая женщина, - теперь чистить. Вы, доктор, поаккуратнее.

- Как могу, - огрызнулась Кругликова. - Почему своего врача сразу не позвали?

- По инструкции, - важно ответила обладательница очков. - При ранениях или ожогах звоним в скорую помощь.

- Да запил он, - встрял в разговор подошедший швейцар, - хорошо если к вечеру откачают. А вы быстро примчались, я только вот в милицию успел сообщить, благо преступник схвачен руками Красной армии. Какой позор, какой позор!

И ткнул пальцем в военнослужащего.

- Это он, - военный сжал чернявого так, что тот ойкнул, - подлец. Убийца.

- Да не убивал я никого! - возмутился подросток, - так он лежал уже.

- Милиции расскажешь. Ну что там, товарищ доктор, выживет?

Кругликовой было не до вопросов, она проверила повязку, не слетит ли в дороге, достала шприц, чтобы вколоть обезболивающее. Раненый был без сознания, пульс еле прощупывался. по мнению доктора, потеря крови и рана не были такими серьёзными, чтобы это объяснить. Сергей тем временем подошёл к задержанному парню.

- Ты как здесь оказался?

- Вы, товарищ, - насторожился швейцар, - откуда с Борькой знакомы?

- Знать его не знаю, - парнишка скорчил рожицу, - обознались вы, гражданин, с устатку, наверное.

- Так знаете или нет?

- Вроде похож на пацана из нашего двора, могу и ошибиться, - Травин не стал задержанного переубеждать, - так что произошло?

- Да не делал я ничего, - чернявый старательно заплакал, - я зашёл, а он тут лежит, я помочь хотел. Дядь, ты вон какой здоровый, значит, умный, посуди, к чему мне стариков ножиком тыкать?

- Милиция разберётся, что к чему, - сказал комроты уже мягче.

- Серёжа, пора нести, - чуть раздражённо окликнула Кругликова.

Травин с Люсей приподняли старика, который почти ничего не весил, и уложили на носилки.

- Куда его? - не унимался военный.

- Рядом, в Шереметьевскую, - ответил Сергей, - ты пацана особо не жми, он вон какой дохлый. И, браток, проследи, чтобы тут народу не было, милиция приедет, ей улики нужны, а смотри, как натоптали.

- Да чего там улики, и так всё ясно, - проворчал комроты, но замечание учёл, пододвинулся поближе к выходу, придерживая брюнета, вытащил из кобуры пистолет и пообещал любому, кто зайдёт на место преступления, пулю в лоб по законам революционного времени.

Однако место это толпу уже не интересовало, люди спешили вслед за носилками, давая врачу советы, как лучше вылечить раненого. От волнения один из любопытных даже сальто сделал.

- Спиртом ему промойте, - густым басом распоряжался высокий мужчина с бакенбардами и приклеенным красным носом-шариком, - лучше изнутри, все микробы как есть сдохнут, от любой болезни помогает, я как сведущий человек говорю. Эй, ты как держишь, егоза? Смотри, перекосила.

- Сам возьми, - возмутилась Незванова.

- И возьму, - бас тут же отстал, и подавал реплики уже с задних рядов.

Его место тут же заняли другие, от глубины их медицинских познаний Кругликова разозлилась, остановилась, заорала:

- А ну все прочь!

Толпа отхлынула, не ожидая такого от интеллигентной женщины, и носилки беспрепятственно вытащили наружу. Травин достал каталку, переложил на неё старичка, засунул в кузов, запер дверь за доктором и фельдшером, проехал поперёк Цветного, по Большому Сухарев-

скому переулку выскочил на Сретенку, пересёк Садовое кольцо возле Музея коммунального хозяйства, так что всего через четыре минуты карета скорой помощи уже стояла перед дверьми приёмного покоя.

Санитаров решили не ждать, Сергей понёс каталку, как была, со стариком, к пандусу, раненый внезапно открыл глаза, приподнялся, вцепился Травину в рукав.

- Аспид, - громко сказал он.

- Кто? - молодой человек особо не прислушивался, больные после обезболивающих болтали всякую чушь.

Но старик продолжать не стал, видимо, последнее движение отняло у него оставшиеся силы, уронил голову на бок, и вроде бы дышать перестал. Травин поставил каталку, прижал пальцы к шее, и биения сосудов не почувствовал.

- Кажется, отмучался.

Кругликова воткнула в уши трубки фонендоскопа, приложила резиновую пластину к груди старика, прислушалась, кивнула.

- Что он сказал? - спросила Незванова.

- Бред какой-то. Змеем меня назвал.

- Аспидом, - поправила Кругликова.

- Видать, не понравилось, как везли. Куда его?

- В прозекторскую, - распорядилась врач, - оставь, санитары заберут. Люся, в милицию позвони, скажи, раненый из цирка скончался.

Глава 02.

Помимо работы, Травин сменил адрес.

Последний год Сергей жил у Дмитрия Пахомова, бывшего денщика Олега Травина, точнее, у его сестры Нюры. Пахомовой принадлежал большой дом в московском районе Сокольники, неподалёку от тюрьмы, брат с сестрой занимали три комнаты, дядя Митяй, как его звал Сергей, готов был потесниться, лишь бы сынок штабс-капитана жил под боком. Нынешний Травин тёплых чувств к воспитателю юного Сергея особо не испытывал, однако поддался уговорам, и переехал. Своё жильё он обустроил собственными руками, холодную половину дома Сергей с дядей Митяем за два месяца подправили, утеплили, настелили полы и потолок, вставили окна, засыпали стены опилками и разделили перегородками, в доме появились просторная кухня и ещё две комнаты, в одну из которых Сергей заселился. Другую комнату занял мужчина лет пятидесяти по фамилии Федякин, нелюдимый и умеренно пьющий. Федякин работал слесарем на заводе, и мог открыть любой замок с помощью нехитрых подручных средств.

Пока Травин валялся в больнице с пулей 22 калибра, застрявшей в мышце груди, Пахомов умер. Сергей выбрался на похороны, проводил отцова денщика в последний путь, а через неделю, возвращаясь с работы, увидел ломовую лошадь, мирно пасущуюся на участке. Терпкий запах навоза перебивал ароматы какого-то жуткого варева, вырывавшиеся из открытого окна кухни, на крыльце сидел детина в тельняшке и чинил упряжь. Рядом с ним стояла бутылка с мутной жидкостью.

Пахомова, как она считала, выгодно сдала комнаты извозчикам. Народу в Москве прибавилось даже по сравнению с царскими временами, жильё ценилось всё дороже, переселенцы готовы были селиться по пять, а то и десять человек в одном помещении, платили с носа немного, но на круг выходило куда больше, чем если сдавать комнату одинокому постояльцу. Так Анна Степановна и заявила, мол, квартирную плату она по старой памяти поднимать не станет, но Сергею следует потесниться. Возможно, переехать в комнатнушку поменьше. И мотоцикл убрать из сарая, потому как в нём, в сарае, тоже есть нужда.

Через несколько дней жильцов стало больше - Нюра и вторую комнату сдала. Теперь в доме проживали восемь извозчиков, шофёр такси и слесарь. Первым не выдержал Федякин, он зашёл к Сергею, попрощался, и сказал, что ноги его больше в этом клоповнике не будет. Этим же вечером в его комнату Пахомова поставила нары на четверых, отделила часть коридора тряпкой, и подала документы в райжилупр о десятой доле для нуждающихся, чтобы не платить за излишек. При встрече с Травиным стыдливо опустила глаза и пробормотала, что одинокой женщине в такие времена трудно жить на подённую оплату. Извозчики вели себя нагло, пришлось расквасить нос самому здоровому, чтобы они обходили Сергея стороной, но и оставаться в таких условиях Травин не хотел. Однако за последние пару лет Москва поменялась, угол даже в такой глуши частники сдавали задорого, а на муниципализированную площадь стояла очередь из нуждающихся.

С жильём помог Кузьмич, кладовщик из таксопарка, у которого кума работала в Красно-Пресненском союзе жилтовариществ. В флигеле дома 7 в Вадковском переулке освободилась комната. Раньше здесь жил сотрудник Института биологической физики, который располагался неподалёку, на 3-й Миусской, но он уехал в Харьков вместе с семьёй, а две комнаты на первом этаже передал домоуправлению.

Дом 7 до 1917-го года принадлежал потомственному почётному гражданину Маркину, сбежавшему после революции то ли в Грецию, то ли во Францию, и располагался на месте увеселительного сада «Эльдорадо», в котором в 1858 году принимали французского писателя Александра Дюма. Новые жильцы появились в 1922-м, заняли 17 комнат на двух этажах и в

подвале, ещё через год работники близлежащих учреждений заселили флигель на 4 квартиры, разделив их на комнаты. В домовую прачечную въехала мастерская товарищества «Решето», дворник перебрался в привратническую, разделив её с кустарём-сапожником, а в дворницкой расположились счетоводы асфальтобетонного завода. В каретном сарае ремонтировали примусы, часы и пишущие машинки, конюшню под реквизит арендовал Госцирк на Садовой. Окно комнаты Сергея выходило на монастырское кладбище, если приглядеться, можно было разглядеть надписи на памятнике писателя Говорухи-Отрока, созданного известным художником Васнецовым. За могилами ухаживали монахини, которые организовали швейную артель, среди захоронений паслись лошади расквартированного в монастыре кавалерийского эскадрона.

Сергей вернулся домой после смены, ближе к десяти вечера. На зрение он не жаловался, и соседа своего узнал. Боря с сестрой жили в большой комнате на втором этаже дома 7, сейчас она была заперта, на стук выглянула соседка в чепчике и парчовом халате с павлинами.

- Нету их, - сказала она, - вы что-ль из флигеля жилец новый?

- Ага, уже который месяц тут живу.

- Надо чего?

- С Измайловой поговорить.

- Смотри, какой бойкий, - соседка вылезла мощным телом в коридор, зацепившись плечом за корыто, - так вы ухажёр ейный?

- Вроде того.

- Гуляет твоя Манька с нэпманами, - довольно сообщила женщина, - прошмандовка вокзальная, к старшим никакого почтения, я ей значит здрасьте говорю, а она только головой кивнёт, как царевна, и дальше чешет. Вон, на первом этаже у Розы Самуиловны дочка, и скромная, и вежливая, и в уборную пропустит, если приспичит, а эта, значит, рыло воротит. А Борька, пацан ещё, мелюзга, и того хлеще, вытащил ножик, и говорит, мол, если ты, то есть я, вкаты буду, он меня почикает. Бандит поганый, когда только милиция его запрет от греха подальше.

- Бумага есть? - Травину эти подробности были неинтересны.

- Чего?

- Бумага и карандаш, записку ей оставляю.

Соседка в предвкушении новостей исчезла, вернулась с обрывком обёрточной бумаги и огрызком карандаша. Сергей написал несколько строк, проигнорировал протянутую руку, запихнул записку в щель под дверь.

- Передайте, что заходил.

Женщина сплюнула, с силой хлопнула дверь, мужской голос приглушённо спросил, что там произошло, получил в свой адрес поток обвинений в пьянстве и разврате, что-то ударило в стену, раздался дребезг разбитой посуды, детский плач. Ждать, чем всё закончится, молодой человек не стал.

Маша сама его нашла, постучала в дверь в половине двенадцатого, Травин сидел в постели, и читал в тусклом свете настольной лампы роман Джека Лондона «Сердца трёх» в переводе Натана Френкеля. Потрёпанную книгу он купил в лавке на углу Новослободской и Тихвинского за полтора рубля, о чём не жалел - прочитанные тома принимали там же, с небольшой уценкой.

- Прочла твою записку, - девушка влетела в комнату, не поздоровавшись, - что там опять с Борей случилось?

Ей было девятнадцать. Невысокого роста, очень худая, с мальчишеской фигурой, над вздёрнутым носиком темнели карие глаза, левая бровь чуть выше правой, короткие чёрные волосы Маша стригла под боб. О себе девушка рассказывала неохотно, но Травину удалось выяснить, что днём она занималась в театральном техникуме имени товарища Луначарского по классу балета, а вечером служила в Московском театре музыкальной комедии, который зимой

выступал на Большой Дмитровке, а летом - в саду «Эрмитаж». У Измайловых в Москве жили родственники, цирковые артисты, но отношения с ними Маша не поддерживала. В комнате висела фотография, на ней женщина в скромном платье стояла на цирковом манеже рядом с офицером. На вопрос, где эти люди, Маша ответила коротко, что умерли, и больше на эту тему не разговаривала, а Травин посчитал лишним в душу лезть. О младшем, Боре, Сергей знал ещё меньше, точнее, вообще почти ничего, кроме того, что парень рос хулиганом.

- Похоже, убил кого-то. Или обокрал. Или два из двух.

- Шутишь, - девушка, казалось, ничуть не удивилась, она ходила по комнате, брала в руки вещи, и клала их обратно на место, - где он сейчас, в милиции?

- Не знаю. Я за старичком приехал, раненым, когда его задержали.

- Старичок выжил?

- Умер, едва довезли.

- Это плохо. Ну что же ты сидишь, как истукан? Надо что-то делать, - девушка выхватила у Травина из рук книжку, захлопнула, швырнула на пол, села рядом на кровать, закрыла лицо ладонями и заплакала.

- Эй, ты чего, перестань, - Сергей осторожно потрепал её по плечу, потом легонько прижал к себе.

Молодые люди познакомились в тот же день, когда Травин получил ордер и переехал во флигель. Все вещи уместились в двух мешках и рюкзаке, мотоцикл, получив дополнительный груз к ста десяти килограммам живого веса, надсадно рычал и плевался выхлопом, зато по причине редкости произвёл во дворе фурор. На заграничное чудо вышли посмотреть любопытные жильцы, Травин забросил вещи в комнату, кое-как отвечал на вопросы и прикидывал, куда бы мотоцикл убрать от чужих глаз и особенно рук.

И тут в небольшую толпу вклинилась тощая девчушка. Сергей и опомниться не успел, как его потащили к управляющему жилтовариществом - получить квитки на воду и отопление, и заодно договориться временно насчёт места в сарае, к Бабутам из подвала - те купили новую мебель, а старую кровать и шкаф с зеркалом продавали недорого. Через полтора часа Маша, окинув обустроенное кое-как жилище Травина хозяйским взглядом, сказала, что на первое время и так сойдёт.

Сергей такого напора испугался, активные девушки, которые вот так вторгались в его жизнь, рано или поздно приходили к мысли о совместном быте, а после расставания с Кольцовой связываться ещё с кем-то всерьёз Травин не хотел. С тех пор Маша приходила иногда в гости без приглашения, даже в дверь не стучала, тут же оказывалось, что в комнате чего-то не хватает - тарелок, рамки с фотографией на стене, вазочки с цветами на подоконнике или коврика возле двери, и нужную вещь тут же следовало купить. Однако дальше совместных походов в лавки и магазинчики отношения не заходили, а когда Травин в шутку пожаловался на одиночество, девушка свела его со своей знакомой из варьете.

- Да она в тебя влюблена по уши, - сказала знакомая Капа, - ты сам-то не видишь? А признаться не может, потому что стесняется. Эх, мужчины, тупые создания. К ней, между прочим, исполнитель куплетов Ликин-Сокольский клинья подбивал, у него денег куры не клюют, дамы штабелями ложатся. Вот завидный жених, а у тебя, кроме мотоцикла, и нет ничего, комната и та с видом на кладбище.

Капа была старше Маши на восемь лет, и считала, что знает об отношениях между мужчиной и женщиной всё. Возможно, не без оснований.

В окно ударил камушек, девушка отодвинулась, вытерла глаза, Сергей раскрыл раму, на подоконник тут же запрыгнул Борька, соскользнул на пол, сел, прижавшись спиной к батарее парового отопления.

- Привет, сеструха, - сказал он, растягивая слова, - что, милуетесь? Тили-тили-тесто...

- Ты где был? - прошипела Маша, она вскочила с кровати, и стояла, раздувая ноздри и сжимая кулаки.

- Не хипешуй, вот, дядя Серёжа уже рассказал, небось. От ментов сбёг, они и глазом моргнуть не успели.

Боря важно достал из кармана папиросы, попытался выбить одну, но с непривычки у него ничего не вышло, Маша с остервенением вырвала пачку у него из рук и залепила пощёчину.

- Дурак, тебя посадят. Ты что, пьян?

- Ой, подумаешь, цаца, - Борис на сестру не обиделся, широко улыбнулся, - есть малёха. Серёга, добавишь?

- Я тебе сейчас Серёгу пропишу, - пообещал Травин. - Старичка ты прикончил?

- Нужен он мне сто лет, валялся там, старый пень. А я раз, и тут как тут, флирт по верхам прошёл, и вот, - пацан вывалил на пол портмоне, - алле-оп, пачка денег как с куста, полный лапотник.

- Ты у кого таких слов набрался?

Сергей аккуратно осмотрел потрёпанный бумажник, пачка денег была тощей, но весомой – семь банковых билетов по десять червонцев.

- Дружки у него в Марьиной Роще, - ответила за парня Маша. - В свою шайку волокут.

- Понятно. Так кто старика прикончил?

- А я не видел, - Боря икнул, - под столом сидел, ждал, когда гроши из буфета принесут. Я много не беру, по рублю-два, никто и не замечает, а тут бац, дядя этот зашёл, я выглянул, и сразу обратно. А потом они как заговорят, и хлоп!

От тепла пацана развезло, но Травин кое-как вытряс из него то, что случилось, а что сам воришка не рассказал, дополнила Маша.

Борька подрабатывал в цирке, у двоюродной тётки, которая выступала с дрессированными собачками, он подметал за животными, реквизит носил и ковры раскатывал, а ещё в буфете собирал посуду. Парня по малолетству оформили учеником жонглёра, он получал в месяц семнадцать рублей, чего, видимо, было недостаточно для разгульной подростковой жизни. Боря подметил, что примерно в одно и то же время буфетчица Катя достаёт из кассы деньги, и относит их в комнату на втором этаже. Пацан пробрался туда, сообразил, что если вставить в ящик бумажку свёрнутую, то тот до конца не закроется, но делать так не стал - Катя к Борьке относилась хорошо, подкармливала и жалела. А потом она перешла работать в вечер, а на её место взяли другую, злую и жадную. Эта относилась деньги в то же место, и парень решил её наказать. Раза два-три в неделю он прятался в комнатухе, ждал, когда деньги окажутся в ящике, а буфетчица уйдёт, доставал пригоршню монет, или выдёргивал бумажку, и уходил.

В этот день он, как обычно, спрятался и стал ждать. Но раньше новой буфетчицы пришли конторщик по прозвищу Кашей, которого Борька не любил, и какая-то женщина, судя по голосу. Они спорили тихо, потом старик упал, дверь хлопнула, пацан вылез, решил, что раз дедок помирает, то деньги ему ни к чему, вытащил из кармана пиджака бумажник. За этим его буфетчица и застала, закричала от неожиданности. Рядом оказался военный, который Борьку схватил и держал крепко, а бумажник положил к себе в карман.

- А дальше? - спросил Травин, тормоша подростка.

- Дальше? - парень почти спал, - ах да, вы приехали, потом Кашей увезли, а менты приехали, меня поволокли, а этот дядька, ну военный, он такой разиня, я у него лапоть обратно вытащил, хотел и другой тоже взять, который его, но ни-ни, я ж понимаю. А на улице я от них сбежал, пусть ищут, ищи-свищи. Машка, купим тебе чего захочешь, эх, гуляй, рванина.

Он улёгся на пол, и засопел.

- Что будем делать? - спросила Маша, - милицию вызовем? В тюрьму его отправят, ну и ладно, сил моих больше нет терпеть.

- Не пожалеешь?

- Конечно, пожалею, не чужой.

- Неужели в цирке адреса вашего не знают?

- Может и знают, только мы раньше в другом месте жили, а сюда в позапрошлом году переехали, с родней я не почти не общаюсь, - почему-то с вызовом сказала Маша, - это вон Борька бегает к ним, как телок.

- Сколько ему, тринадцать? - Травин ещё раз вытащил деньги, пересчитал. - Я в вопросах этих не разбираюсь, тут знающий человек нужен, адвокат или вроде того. С деньгами вышло нехорошо, мёртвому червонцы ни к чему, но вдруг кто хватится, пока у себя подержу. А ты парня в комнате запри, пусть сидит, носа не высовывает. В школу почему не ходит?

- Выгнали его за хулиганство, в колонию отправили, только он сбежал. Серёжа, что же делать, вдруг он и вправду человека убил? Борька, Боренька, братик, зачем же ты так.

Она села на пол рядом с пацаном, положила его голову на себе на колени, погладила по щеке.

- Нет, - твёрдо сказала девушка, - никакой милиции я его не отдам.

Глава 03.

16 января 1926 года, суббота

У Травина был знакомый в уголовном розыске – субинспектор Панов. Молодого человека он должен был хорошо помнить по недавнему делу гражданина Пилявского, убитого в своём доме бандитами Лукашинами. Сергей тогда помог поймать преступника, сыграл роль подсадной утки, субинспектору за поимку Лукашина премию выписали, сорок рублей, и даже в газетах о задержании напечатали, поэтому Сергей надеялся, что тот сможет помочь.

Приходил Панов на службу обычно к половине восьмого. Без четверти восемь Травин наклонился к дежурному милиционеру тридцатого отделения, сидевшему за столом. Дежурный пытался держать глаза открытыми, но получалось это у него плохо, голова так и норовила соскользнуть с подставленной руки.

- Наум Мироныч? – сказал он сонно, - так нету его. Всё, кончился товарищ субинспектор.

- Эй, - Сергей потрепал милиционера по плечу, - браток, не спи. Как нет? Помер?

- С чего ты взял? Ничего он не помер, - дежурный широко зевнул, - уволился товарищ, а ты кто такой?

- Приятель его, ты что, не узнаёшь меня, Лукашиных ещё поймали, - попытался достучаться до разума милиционера Травин.

- Лукашины? Что-то такое помню. Товарищ Панов теперича на другой работе, тоже ответственной, сейчас, где-то у меня было начиркано, - дежурный открыл толстую книгу, по слогам начал читать фамилии, - ага, вот, запишешь где или запоминай?

Наум Миронович Панов уволился из уголовного розыска почти сразу, как раскрыли дело скрипача Пилявского. В соседнем отделении началась чистка, как обещали, на месяц-два, это означало, что через те же два, максимум три месяца примутся за тридцатое. К жизни Панов относился философски, предпочитая не беспокоиться о том, на что повлиять не может, и сосредоточиться на событиях, которые можно предотвратить или изменить. Он пережил уже несколько чисток, и пока что удачно, поскольку при царском режиме работал не в полиции, а в канцелярии градоначальника, из полицейского управления только бумаги изучал. Однако с каждым разом вопросы становились всё строже, Панов всерьёз задумался о том, что на этом его везение может закончиться. Припомнят и титулярного советника, которого он получил перед войной, и ещё откапают что-нибудь навроде брата, сбежавшего с семьёй за границу в 19-м, так что бережёного Бог бережёт.

Работник советского уголовного розыска отлично умел оформлять бумаги, до революции он именно этим и занимался. Новые советские законы он прилежно изучал, считая, что в работе это необходимо, поэтому подал заявление в Московскую губколлегия защитников, где в президиуме заседал старый знакомый по канцелярии Арон Долматовский. Через две недели Наум Миронович блестяще сдал экзамен в Институте советского права, и приступил к адвокатской практике. Можно было не связываться с коллегией, заделаться частным защитником, получали они побольше, и нэпманы к ним охотнее шли, но Панов в НЭП не верил. Что-то подсказывало ему, что пройдёт ещё несколько лет, и с частной вольницей революционное правительство покончит.

Три раза в неделю с девяти до двенадцати утра, бывший субинспектор, а теперь член коллегии защитников, принимал граждан в юридической консультации при уголовном отделе губсуда на Тверском бульваре. Консультировал всех, а вот в суд дела брал только у тех, кто вляпался по глупости или невезению, поскольку закоренелых преступников Панов привык сажать,

и пока что от привычки этой не избавился. Травину повезло, сегодня у Наума Мироновича был приёмный день. Молодой человек добрался до губсуда к четверти девятого, прошёл в указанный коридор, здесь на лавках было пусто, однако внутри одного из кабинетов кто-то явно находился. На стук приглушённый голос посоветовал дожидаться начала рабочего дня, и попусту занятого человека не беспокоить. Прошло всего десять минут, приёмная начала наполняться народом. В половине девятого пришёл секретарь, к нему сразу выстроилась отдельная очередь, мужчина заносил посетителей в амбарную книгу, кому-то уже было назначено, кто-то явился в первый раз, с них брали разные суммы, Травин заплатил девяносто копеек, секретарь сперва посоветовал обратиться к товарищу Дахшлегеру, но Сергей настаивал.

- Если уж вам нужен именно Панов, - со вздохом сказал секретарь, - комната четыре, милости просим, как раз одно место в очереди осталось свободное. Только Наум Миронович принимает новеньких всего за двадцать минут, и за всякое дело не берётся, отказать может, а плату не вернём, уж извините.

Посетители разделились по защитникам, тут же начинали выяснять, кто последний, кто впереди, а кто влез без очереди, обсуждали свои дела, стараясь друг друга перекричать, шум стоял такой, что уши закладывало. Потихоньку появлялись консультанты, каждый продирался через клиентов, которые хотели решить вопрос в коридоре, но, видимо, люди здесь работали опытные, потому как от вопросов отмахивались с ленцой и твёрдо. Панов пришёл без пяти минут девять, мазнул глазами по очереди, и юркнул к себе в кабинет.

Едва секретарь поднялся, чтобы объявить о начале приёма, к кабинету номер 4 ринулись с полдюжины посетителей, пытаясь прорваться, Травину пришлось подняться, загородить проход. Те, кто поумнее, отошли, а двое самых активных остались, один, брюнет с оттопыренными ушами и торчащими в разные стороны кудряшками, размахивал партийной книжкой, а другой, с сизым носом, стучал по деревянной ноге.

- Я старый большевик, - кучерявый пытался оттеснить инвалида, и одновременно оттолкнуть Травина, - право имею.

На вид ему было лет тридцать пять, максимум сорок.

- В трамвае ты право имеешь с передней площадки, - парировал инвалид, - вот туда и пройди, извиняюсь, а здесь порядок общий. Я может кровь за революцию проливал на фронтах войны.

- На каком фронте? – спросил Травин.

- Что?

- На каком фронте проливал? Я вот на Западном и на Карельском.

- На Южном, - глаза у инвалида забегали.

- В какой армии? – не отставал Травин, - я на Южном многих знаю. Кто полком командовал?

Инвалид от такого напора замолчал, и бочком отодвинулся. Остался старый большевик, который позиции сдавать не хотел.

- Значит вы, гражданин, из общества старых большевиков? – уточнил Сергей. – Лет-то вам сколько? Надо ведь партийный стаж иметь с начала века. С малолетства по тюрьмам скитались?

Почему старые большевики не просто так называются старыми, он знал от одного из постоянных гостей тётки Лены Кольцовой, Янины Иосифовны Лацис - ОСБ при Истпарте состояло из ветеранов революционного движения, которые вступили в партию не позднее 1903 года, и самому молодому из них было около пятидесяти лет.

Кучерявый книжечку свою сразу спрятал, однако попыток пролезть не оставил. Травин вздохнул, взял его за шкурку и занёс в кабинет, в котором сидел Панов.

- Товарищ очень торопится, - сказал он.

Наум Миронович поднял глаза от газеты, недовольно поморщился.

- Отпустите его.

Старый большевик тут же подскочил к столу Панова, и начал что-то тихо и неразборчиво говорить, бывший субинспектор кивал, не отрываясь от газеты, а потом вдруг легонько шлёпнул ладонью по столу, сложил фигу и ткнул кучерявому в нос.

- Вот что вы получите без оплат, милейший, - спокойно сказал он, - идите-ка к другому консультанту, и ему настроение поганьте. Жалобу на меня захотели сочинить? Пожалуйста, рубль сорок, я вам её оформлю в лучшем виде, деньги - секретарю, а пока что прощайте. Сергей Олегович, раз уж сюда его занесли, будьте любезны, тем же манером обратно отправьте.

Травин выбросил ушастого за дверь, прикрыл её плотно.

- Проходите, милостивый государь, не стойте, - Наум Миронович показал рукой на стул, - как поживает Елена Станиславовна?

- Мы расстались, - Сергей уселся, положив кулаки на колени.

- Вот незадача, - Панов всплеснул руками, - а казалось, такая отличная пара образовалась. Что вас привело в столь ранний и морозный час?

- Сосед у меня есть, мальчонка, его вчера схватили возле раненого, а он сбежал.

- Так-так, поподробнее, - заинтересовался бывший субинспектор.

Вопросов он почти не задавал, только уточнил, в котором часу это случилось, и сколько соседу лет.

- Ну что сказать, положение, с одной стороны, аховое, а с другой очень даже благоприятное для этого вашего негодяя малолетнего. Между нами, раз уж вы уверены, что он не убивал этого старичка, я охотно заявление напишу от его имени по обычной таксе, которая вас не разорит, и прослежу, чтобы всё гладко прошло. Заранее могу сказать, что Бореньке этому беспокоиться нечего, по малолетству наказанию не подлежит, если докажут, что это он сделал, самое большее в колонию на перевоспитание отправят, будет как сыр в масле кататься на полном государственном обеспечении.

Он поднял телефонную трубку, постучал по аппарату.

- Барышня, соедините с 23-ей милицией. Дежурный? Аксельрод мне нужен из уголовного стола, на месте? Скажите, Панов беспокоит из тридцатого. Семён Савелич, хорошо, что тебя застал, да, защищаю теперь, вот как раз и звоню по этому поводу. Скажи, вчера ведь на вашем участке старичка зарезали, прямо в цирке? Счетовода? Замечательно. Ищут? Аккурат по этому поводу обращаюсь. Ко мне сосед парнишки заглянул, которого схватили, а тот убежал, так говорит, ему тринадцать лет. Не соседу, а парнишке. Да, утверждает, что не убивал. Нет, только сосед здесь. Мне-то откуда, дорогой мой Семён Савельевич, знать. Ну тебя, какой суд, раз он малолетний, пусть им Москомонес занимается. Да что ты говоришь!

Панов замолчал, прислушиваясь, и на его лицо напозла улыбка. Через минуту он с собеседником распрощался, и устался на Сергея.

- Парнишка сказал, что не убивал, - повторил Травин, наклонив голову вперёд.

- Так все утверждают. Мало кто, милейший Сергей Олегович, из убийц в преступлении своём сознаётся, разве что сумасшедшие. Но здесь, нужно сказать, я вам верю, точнее, ему. Экспертизу провели орудия убийства, и отпечатков не нашли, а отыскивали нитку, она за заклёпку на рукояти зацепилась. Наш убийца, скорее всего, в перчатках действовал, а соседа вашего, Бориса Аркадьевича Измайлова, только с голыми руками видели, и на месте преступления перчаток не обнаружили. Аксельрод свою работу знает как Отче наш, точнее, хе-хе, как Уголовный кодекс, уже всё проверил и дело следователю передаёт, паренька придётся представить для беседы, и чем раньше, тем лучше для него, моя помощь в этом не нужна. Или есть ещё, что вы хотите сообщить?

Сергей достал бумажник, положил на стол.

- Вот это он вытащил у старика.

Панов раскрыл портмоне, достал деньги, пересчитал, положил обратно, пододвинул Травину.

- Однако, - сказал он, - хорошо живут скромные счетоводы. Это ж его жалование почти за два года, если не ошибаюсь, но это пустяки, люди в пожилом возрасте часто бережливостью страдают, а вот банковые билеты интересные, такими в кассе получку не выдают. Знаете, что, Сергей Олегович, пожалуй, за это дело я возьмусь. У вас какие планы на сегодня?

- Смена только вечером начнётся, весь день свободен.

- Вот и хорошо, - адвокат вырвал из блокнота листок, написал номер телефона и адрес, - я в половине третьего в суде выступаю, процесс интересный, мужа обвинили в убийстве жены, а дальше копнуть не сообразовали, так что следователю туго придётся, уж поверьте. Только к вечеру освобожусь. Если Измайлова сейчас отыщете, звоните секретарю, он подскажет, где меня найти, ну а если не найдёте, мой адрес здесь указан, после театра, часов в десять-одиннадцать, я дома, ложусь поздно, до полуночи можете смело являться. Дело я запрошу, как следователь его откроет, не раньше следующей недели, так что время ещё есть, паренька предварительно хочу расспросить, уж приведите обязательно. Представление на допросе будет стоить по таксе три двадцать пять, и, думаю, этим всё ограничится. Деньги пока что припрятывайте, лучше их вообще не показывать, коли не спросят, а то отправят вашего Бореньку под Полтаву к товарищу Макаренко, в колонию Горького, оттуда уже не сбежишь. Хотя, может быть, оно и к лучшему, говорят, талант у товарища педагогический. В общем, придержите.

Бореньку Травин не нашёл. Комната Измайловых была заперта на всякий замок, видимо, так Маша хотела своего брата удержать, ключ от замка висел тут же на гвоздике. Сергей сомневался в том, что подобные препятствия пацана удержат, он постучал несколько раз, не дождавшись ответа, снял замок и вошёл внутрь. Комната оказалась пустой, окно открыли изнутри и притворили не до конца, через него в комнату проникал холодный зимний воздух. Однако следов тела под окнами не было, значит, Боря не стал прыгать вниз, а залез наверх, на чердак, через слуховое окно. Травин ещё раз огляделся, жили брат с сестрой очень скромно, наверное, украденные парнем деньги им бы не помешали, на тумбочке возле кровати Сергей заметил странный для этого места предмет. Золотой хронометр марки Картье, с кожаным ремешком, для студентки техникума был слишком дорог. Молодой человек приложил часы к уху, ничего не услышал, перевернул их, на крышке красовался вензель из двух переплетённых букв и надпись на французском языке «Mieux vaut tard que jamais»¹. Корпус часов был покрыт царапинами, по стеклу возле заводной головки с голубым камушком прошла трещинка, и тем не менее, стоили они немало. Возможно, кто-то из поклонников сделал подарок, по незнанию или умышленно вместо дамского браслета мужской преподнёс, или ещё откуда-то взяли, но гадать, или лезть в личную жизнь Маши, Травин не собирался. Аккуратно положил часы обратно, на то же место, и ушёл, убедившись, что малолетки здесь нет. В конце концов, раз уж Панов считал, что никаких последствий задержание пацана не повлечёт, то и ему, Сергею, беспокоиться особо не следовало. Возможно, как и лезть в чужую комнату, но что сделано, то сделано. Он заглянул к себе, написал на листке бумаги краткое послание для Маши, положил на тумбочку, собираясь занести его перед работой, и отправился прогуляться. Переход на новую должность подарил Сергею много свободного времени, которое он после ухода Кольцовой часто не знал, чем занять. Мотоцикл пока что внимания не требовал, стоял отремонтированный и отполированный в гараже и ждал весны, книги разве что перед сном годились, с Капой он встречался едва ли раза два в неделю, и то как-то на бегу, а приятели все как один были сплошь семейные, у них кроме Травина забот хватало.

¹ *Лучше поздно, чем никогда.*

В столовой Нарпита на Новослободской за шестьдесят пять копеек подавали обед из трёх блюд со сладким десертом и чаем, порции были небольшие, но с добавкой выходило в самый раз. Рядом, в Народном доме имени эсэра-террориста Каляева, днём за двадцать копеек устраивали киносеансы, вечерняя афиша обещала спектакль «Царица Софья» с артисткой Мраморной. Через Лесную улицу высились стены Бутырской пересылки, конвой только что вывел заключённых на осмотр в туберкулёзный институт, они шагали парами, чинно держась за руки, словно дети на прогулке. Тут же, на улице, стояли шахматные столы, частью занесённые снегом, на очищенных играли местные жители. Несмотря на близость тюрьмы, этот район считался относительно благополучным, а вот рядом, если перебраться через Сущёвский вал в районе Лазаревского клабища, начиналась и шла до Бутырского хутора Марьино Роцца, заселённая в основном нетрудовым элементом. Элемент этот не трудился официально, а так даже очень работал - шарил по карманам, варил самогон, перепродавал краденные вещи, содержал притоны и устраивал налёты на сберегательные и профсоюзные кассы, грабил магазины и щипал нэпманов. Малолетние хулиганы собирались в шайки и нападали на прохожих и жителей окрестностей, не давали житья работницам парфюмерной фабрики «Свобода», да так, что те боялись в одиночку до трамвая добираться. Именно в этом районе, по словам Маши, жили новые знакомые Бориса.

На углу Травин купил пирожков с мясом и яйцом, полфунта сыра и бутылку молока, заглянул к себе домой, подогрел молоко на примусе, бросил туда кусок сахара, взял старый тулуп, книжку Джека Лондона, поднялся на второй этаж дома семь, а с дальней площадки по винтовой лестнице - на чердак. Послышался шорох, и тут же всё стихло.

- Я разговаривал с адвокатом, - негромко сказал Сергей, - хороший человек, надёжный, так он сказал, что наказанию ты не подлежишь по возрасту, даже если пырнул этого старика. Но у милиции есть предположение, что это сделал кто-то другой, так что ты тут пока посиди, подумай, что и как, а завтра я утром со смены вернусь, и мы с тобой можем вместе к товарищу Панову сходить. Или продолжай бегать, они, кстати, твоё имя в цирке узнали, скоро заявятся. В следующий раз там, где работаешь, не воруй.

Нравоучения у Травина получались кое-как. Пустота молчала.

- Пожрать тебе принёс, - добавил Сергей, - и согреться. Смотри, околеешь тут.

Он оставил тулуп и еду, и ушёл. Молодой человек, как он сам считал, сделал всё, что мог, если у пацана есть голова на плечах, одумается и поговорит с адвокатом, а после со следователем, если нет, так милиция его рано или поздно отыщет.

На обратном пути он подсунул записку Маше под дверь, раз уж у них теперь такой вид общения налачился, выспался хорошенько перед ночной сменой, и в семь вечера отправился на работу. Ему показалось, что на улице почему-то стало темнее, чем вчера в то же время, Травин посмотрел на запястье, его часы в последнее время барахлили, иногда останавливались и начинали идти только после энергичной встряски. Часовщик в каретном сарае, которому Сергей относил хронометр, сказал, что механизм чистить бесполезно, и лучше заменить, пока не поздно, но, как это обычно бывает, пока вещь окончательно не сломалась, ей пользовались, и с неудобствами мирились. Так и в этот раз, часы стояли, он сверился с циферблатом на остановке трамвая, оказалось, что до начала рабочей смены остаётся на сорок минут меньше. И всё равно, он с запасом поспевал и поужинать, и с собой еды купить, и за жизнь поговорить с другими работягами, потому что здесь, в гараже Автопромторга, шоферов к предрейсовому обслуживанию автомашин не допускали, этим занимались ремонтники, так что можно было прямо к восьми тридцати заявиться, и сесть в помытый и заправленный автомобиль. Другое дело, если что ночью случится, тут приходилось рассчитывать на себя.

Начальник смены Фёдоров, настоящий инвалид Гражданской, ловко орудовал оставшейся левой рукой, записывая время и фамилию работника.

- Серёга, - сказал он, - ты сегодня второй. Ложечкин тебя опередил, вот ведь дома не сидится, вон сидит, чай дуёт и газеты читает, словно в клуб пришёл.

- Трое детей, - Травин отряхнул с полушубка снег, повесил на вешалку, - от такого бежишь.

- Это ты по молодости рассуждаешь, да по незнанию, - Фёдоров всё той же левой рукой налил себе кипятка, добавил сахар и щепотку соли, одновременно затягиваясь папиросой и стряхивая пепел в жестянку из-под масла, - приходишь небось домой, как сыч, один сидишь, а тут одному подзатыльник, другому ремнём за поведение, опять же в старости будет кому подмочь, стакан воды подать.

- Может и так, - улыбнулся молодой человек, - ты говорил, из слесарей кто-то увольняется?

- Матвеев хотел, но передумал. Зачем мне, говорит, со старьём возиться, если тут такие прекрасные аппараты, что только пыль сдувать. Может, заболит кто, тогда часы отдам, хотя какой резон, раз ты и так забесплатно возишься. Вот скажи, зачем тебе столько денег? Оклад ты получаешь почти сто рублей, да за ночные доплачивают, одежда казённая, краги вон, куртка меховая, мотоцикл твой в тепле стоит задарма.

- Ем много, - не обиделся Травин, - в столовой двойную порцию беру, и не наедаюсь.

Про то, что избыток свободного времени его угнетает, он говорить не стал.

- Вот то-то и оно, - Фёдоров вздохнул, - считай, на дерьмо работаешь. Ладно, как появится работа, скажу. Вам чего, товарищ?

Мужчина, заглянувший в гараж, был одет в теплое пальто с меховым воротником и цивильный костюм, однако выглядел он совсем не по-граждански - уверенно, с острым взглядом и жёстким выражением лица, которое не сглаживали нацепленные на нос очки в тонкой оправе. Незнакомец поглядел на Травина, словно тот был помехой, помедлил.

- Ну я пойду, - Сергей махнул рукой, и отправился сперва переодеться, а потом в ремонтную зону, где стоял новый санитарный автомобиль АМО-15 завода ИАЗ, на днях поступивший для испытаний.

Тем временем мужчина отогнул лацкан пиджака, демонстрируя Фёдорову значок.

- Агент Клепач, уголовный розыск. Скажите, гражданин, отсюда экипажи подают на скорую помощь?

- Как есть, да, - начсмены подобрался, - вон немецкие стоят, сейчас три штуки, остальные два на вызове, ещё не вернулись, есть и итальянские, эти для неотложных нужд, а вчера вон с Первого ГАЗа машинку пригнали.

- Меня именно скорая помощь интересует, вот наряд, - мужчина в очках протянул бумажку с печатью и резолюцией директора Шульца, - кого из водителей назовёте, чтобы побойчее и не болтал?

- Так вон, Травина возьмите, который тут стоял.

- Здоровяка этого? Не подведёт? Надёжный?

- Как есть скажу, - Фёдоров разгладил пустой правый рукав, - парень он неплохой, честный, слышал, что воевал где-то в гражданскую. Раньше у нас в мастерских работал завскладом, потом в таксопарк на Домниковке перешёл, потому как одного растратчика на чистую воду вывел, а ему не верил никто, теперь вот сюда на скорую вернулся, справный, машины как книги читает, наравне со слесарями копается, а кое-где даже получше. Только больно своенравный, чуть что, кулаком в рыло, и весь разговор.

- Что, прям сразу и в рыло?

- Ну не сразу, образумить пытается, а потом может и в рыло, кулачище у него, сами видели, - поправился инвалид.

- Буйный? Пьёт?

- Ни капли в рот, даже после смены наши вон пиво дуют, а он нос воротит.

- Странно, - Клепач усмехнулся, - чтобы русский человек, да и не пил. Подозрительный субчик. Хотя товарищ Шульц мне именно его рекомендовал. Вот что, товарищ Фёдоров, у вас ведь вызовы идут не сразу на пять машин, так вы этого Травина до десяти попридержите, а потом пусть едет в Шереметьевскую больницу, и сразу в кабинет к товарищу Пучкову, там его будут ожидать. Смену в девять заканчиваете? Передайте всё сменщику своему в точности, да здесь на наряде написано, не ошибётся.

Глава 04.

- Что скажешь, Серёга? - старший слесарь Крамник пнул колесо санитарного автомобиля, только что сделавшего круг по улицам, - как тебе эта штучка?

Травин спрыгнул с водительского сиденья, подлез под переднее колесо, подёргал, вытер руки ветошью. Автомобиль шёл по снегу неуверенно, на поворотах заносило, а на неровностях сильно трясло.

- Двадцать минут поездил, поясница затекла. И холодно очень, особенно ногам, надо бы туда провести трубу с тёплым воздухом. Рессоры надо менять, помягче ставить. Пашка, ты как там?

Паша Савельев, самый молодой из рембригады, вылез из санитарного отсека, потирая шишку на лбу.

- Если труп везти, сойдёт, - сказал он, - а по-хорошему, тем, кто это чудо собирал, надо руки поотрывать, а потом на этой же колымаге в больничку отвезти, чтобы прочувствовали на себе. Меня, ребята, так швыряло, думал, всё, кончился Пашка Савельев.

Раздался дружный смех, рабочие, окружившие первый советский автомобиль скорой помощи, с ним были согласны, они сами успели и в кабине посидеть, и по гаражу прокатиться. Жесткие сиденья, неудобная кабина, сдвоенные задние колёса, которые тёрлись друг об друга, чугунные тормозные колодки и жёсткие рессоры, от которых кабина на кочках подпрыгивала - и это только то, что выявили за первый же день. Конструкторы 1-го Госавтозавода особо не мудрствовали, поставили санитарную кабину на грузовое шасси, а подходят они друг другу или нет, видимо, проверить не успели.

- Да, - Крамник постучал ладонью по капоту, - инженерам бы самим в кабину влезть да попробовать, а они всё карандашами нарисуют, и потом удивляются, почему такое страшилище получилось. Ну ничего, мы список замечаний подготовим, доктора тоже отметятся, предложения внесут, и получится в конце концов замечательный, и главное - наш, советский, современный самоходный экипаж. С поршнями они ведь проблему решили, вот и другое доделают, первый блин, как говорится, комом. Так, товарищи? Если мы обособимся, только критиковать будем, а не делать ничего, какой же это социализм получится? Сразу скажу, плохой, общее дело и делать надо вместе. Решили? Савельев, ты теперь ответственный, как первый потерпевший испытатель, ну и ты, Сергей, тоже не отлынивай, проводку надо переложить.

- Смена, - Травин постучал по часам, на которых маленькая стрелка стояла между восьмёркой и девяткой. - Хватит лясы точить, нам выезжать скоро.

К девяти, четыре автомашины скорой помощи стояли в гараже, дневная смена, по уговору, уже с восемью начинала отдавать автомобили ночной на новые вызовы, последний, пятый, приехал только в десятом часу. Без четверти девять сдёрнули Ложечкина, Филимонов умчался в половине десятого, а ближе к десяти начальник ночной смены Бурлак сунул бумажку Травину.

- Для тебя особый наряд, - сказал он, - Фёдоров говорит, кто-то из милиции распорядился. Опять стрелять будут, смотри, под пули не лезь, не твоя это работа.

Кареты скорой помощи часто привлекали для дежурства на разных мероприятиях, но практически всегда они проводились днём. Ночью, да ещё и милиция, иногда обращалась к врачам, если считали, что при арестах или налётах на бандитский притон будут серьёзные ранения. Мотя Погребняк, который работал здесь почти год, рассказывал, что ему довелось подежурить на каком-то задержании, и они везли в одной машине двоих раненых - милиционера и бандита. Что с ними дальше случилось, Мотя не знал, и как их подстрелили, тоже не видел, зато слышал выстрелы. Сергей догадывался, что и на этот раз предстоит что-то подобное.

Кабинет начальника станции Пучкова находился в хирургическом корпусе, когда Травин вошёл в крохотную приёмную, где обычно дежурила медсестра, там кое-как разместились трое - фельдшер Люда Нежданова, доктор Агамалов, который сегодня дежурил вместо Раппопорта, и ещё один человек в распахнутой кожанке, лет тридцати с небольшим, с уродливым шрамом на левой щеке, идущим от уха через уголок рта к подбородку. Сергей занял почти весь свободный объём комнаты, где сразу стало очень тесно.

- Все в сборе? - человек в кожанке достал блокнот, нечаянно ударив локтем Люду, - простите великодушно, не ушиб?

- Совсем нет, - Людочка смотрела на него сияющими глазами, что-то такое, видимо, между ними произошло до прихода Травина.

- Я уже представился всем, кроме вас, - продолжал мужчина, - вы, видимо, Травин Сергей Олегович? А я Свистунов Григорий Михайлович, агент первого разряда из уголовного розыска. Мы тут с товарищами почти все вопросы обсудили, вкратце если, сегодня ночью наша группа будет задерживать опасных преступников, и вы, товарищи, как что с кем-то случится, подсобите, будьте добреньки. В перестрелку вам лезть не нужно, наоборот, стоять вы будете поодаль, и сопровождающего вам предоставили в моём лице, но только выстрелы прозвучат, сразу будьте готовы. Выезжаем через десять минут, куда именно ехать, я покажу. Карапет Иванович, какая-то ещё помощь нужна будет?

- Справимся, - уверенно сказал Агамалов, ревниво поглядывая на Нежданову, - будьте уверены. Через десять минут подойдём. Людочка, за мной.

Нежданова ушла, оглядываясь на нового знакомого, тот усмехнулся.

- Хорошие у вас тут девушки. Ну что, Сергей Олегович, идёте к машине.

- Сергей, - сказал Травин, - можно без отчества и на «ты». Так проще.

- Согласен, - кивнул Свистунов, он был на голову ниже молодого человека, шагал широко, попадая в ногу, - тогда и я просто Гриша. В гражданскую служил?

- На Карельском.

- А я на Туркестанском аж до 24-го, меньше двух лет здесь. Басмачи, брат, это такие язвы, что до сих пор их не повывели окончательно. Раз служил, значит, выстрелов не боишься. Слышал, вам всем на Карельском значки выдавали?

- Есть такой, - Травин улыбнулся, - я когда по бюрократам хожу, надеваю, помогает. Что именно за значок, они всё равно не понимают, но уважения прибавляется.

Свистунов рассмеялся.

- Сработаемся, - сказал он, и полез в машину.

На переднем диване с трудом умещались три человека, а если рядом с Травиным, то полтора. Одно место занял Свистунов, Люда колебалась, сесть ли ей, как обычно, посередке, или вспомнить про девичью гордость и поехать в санитарном отсеке. У Агамалова такого выбора не было, спереди он не помещался, так что доктор скрылся за задней дверью, Людочка, вздохнув, полезла вслед за ним. Она надеялась, что ночь впереди длинная, и Свистунов от неё никуда не денется. Однако вышло по-другому, стоило Травину пристроить автомобиль неподалёку от Белорусского вокзала, как агент выпрыгнул из машины, приказал ждать, и растворился в сгустившихся сумерках. Сергей не стал глушить двигатель, устроился поудобнее на диване и прикрыл глаза.

Люда оставила доктора Агамалова одного в санитарном отсеке, выбралась наружу, несколько минут высматривала сбежавшего сотрудника уголовного розыска, сбивая снег с коротких валенок, потом перебралась в водительскую кабину, пихнула Травина в бок.

- Ты чего, а если стрелять начнут?

- Проснусь, - сквозь дрему ответил молодой человек.

- А если не проснёшься?

- Значит, выплусь. Отстань.

Нежданова помолчала с минуту, потом громко вздохнула. Видимо, Сергей должен был поинтересоваться, с чего бы это девушка так вздыхает, но Травин сидел неподвижно, и даже посапывал. Люда вздохнула ещё громче, шумно выдохнула.

- А знаешь, откуда у него шрам? - спросила она, глядя в окно в сторону, куда ушёл Сви-
стунов, - это его басмач рубанул саблей, а Гриша его потом раз, и из маузера бабахнул наповал.
Представляешь, какой герой? Я вот, если бы мне такой басмач встретился, тоже не растерялась
бы. Только я стрелять не умею, но Гриша обещал научить.

- Когда он успел? - Травин понял, что заснуть ему не дадут.

- Так я его первая встретила, пока Карапета ждали, он мне и рассказал. А ещё он не
женат. Представляешь, как здорово, что мы встретились.

- Старый он для тебя, - Сергей поворочался на диване, позволяя телу растечься на кожа-
ных подушках, - а ты пигалица ещё.

- Да что ты понимаешь, - Незванова взвилась в гнев, щёки её покраснелись, глаза метали
молнии, - да он ещё молодой, а ты... ты...

Она выскочила из кабины, хлопнув дверью изо всех сил, Травин зевнул, и снова закрыл
глаза. Через некоторое время к нему залез Агамалов. Доктор, в отличие от фельдшерицы, с
разговорами приставать не стал, сидел себе тихонечко и вроде тоже уснул, это Сергея вполне
устраивало. Подрёмывая, он тем не менее заметил, как к машине вернулся Свистунов, оглядел
спящих медиков, тихо засмеялся и снова исчез. Из санитарной кабины несколько раз вылезала
Люда Незванова, вглядывалась в темноту, и забиралась обратно. С Гришей они разминулись,
Травин лениво подумал, что и к лучшему.

Из дремоты его вырвал негромкий звук выстрела. Молодой человек моментально открыл
глаза, рядом храпел Карапет, наручные часы показывали без четверти двенадцать. Травин
толкнул дверь, выпрыгнул из машины, и тут раздались ещё два выстрела. Приглушённые, или
стреляли далеко, или городская застройка скрывала источник от наблюдателя. Скорее всего,
второе - Свистунов, выйдя из машины и дойдя до перекрёстка, свернул налево, к ипподрому.
Сергей побежал туда же, стоило ему оказаться на Скаковой, ещё два раза гроыхнули совсем
рядом, что-то блеснуло возле сквера. Травин хотел было бежать обратно, к машине, чтобы
подогнать её поближе, но тут увидел, как что-то белое и очень высокое несётся прямо
на него. Существо высотой под три метра, в белой развевающейся накидке, с длинными,
словно у журавля, ногами, и жуткой белой физиономией, светящейся в темноте, выскочило
из-за деревьев и припустило в сторону центра, высоко взлетая над землёй. С молодым челове-
ком их разделяло метров тридцать, существо преодолело их за считанные секунды, размахивая
верхними конечностями.

Травин никогда не видел привидений, но был уверен, что призраки, если они и суще-
ствуют, не станут размахивать пистолетом. Когда расстояние между ним и беглецом сокра-
тилось до двух метров, Сергей отскочил в сторону, резко выставил правую руку. Раздался треск,
нога у чудовища подломила, и оно, громко вопя, полетело вниз. Сергей рванул за белую
ткань, не давая призраку упасть далеко, наступил на копошащееся тело, ударил каблуком по
кисти, отнял револьвер и ударил рукояткой по светящейся голове. Привидение затихло, но
следом за ним на улицу выскочило второе. Это оказалось посмышлёнее, увидев, что товарищ
лежит на земле, призрак затормозил, пытаясь удержать равновесие, прицелился в Сергея. Раз-
дались три выстрела один за другим.

Травин особо не целился. Он не стал вымерять, где у нападавшего находятся ноги, просто
прикинул среднего человека, расстояние от головы до бедра, и всадил пулю в белый балахон.
Второе привидение полетело вниз и распласталось на снегу. На белом балахоне чуть ниже
головы расплывалось кровавое пятно.

Со стороны ипподрома неслась стрельба, на улице появились трое новых действующих лиц, в отличие от двух призраков, эти были одеты в нормальную одежду – шапки, кожанки и галифе. В руках они тоже держали оружие, у двоих были пистолеты, а третьего винтовка, стволы тут же нацелились на Травина.

- Бросай оружие.

Сергей упал на одно колено, прицелился.

- Кто такие?

- Уголовный розыск, - незнакомцы рассредоточились, окружая молодого человека, - а ну брось пукалку, говорят.

- Сначала на вопрос ответь, - Травин чуть опустил ствол, - как зовут вашего агента, который с докторами приехал и убежал?

Назвавшие себя сотрудниками угро переглянулись.

- Свистунов, - поколебавшись, сказал один из них, с круглым, изрытым оспой лицом, - постой, ты что ли здоровяк, который на скорой шофёром?

- Я.

- Фамилия как?

- Травин.

- Вроде он, Гриша называл. Фима, посмотри, чего там с прыгунцами. А ты, товарищ Травин, пистолет опусти, а то мало ли пальнёт. Где взял?

- Вон у него, - Сергей кивнул на первого «прыгунца». - Что за чудо такое?

По переулку бежала Незванова, за ней еле поспевал Агамалов с докторским саквояжем.

- Преступники, - Фима, молодой парень с винтовкой, низенький, коренастый, с широкими плечами, ощупал одного беглеца и принялся за второго, - вроде мёртв.

Он откинул длинную белую ткань, к ногам беглеца были приделаны ходули с пружинами на опорах.

- Так это ты в него попал? – поинтересовался Травин.

- Ага, - Фима гордо подбоченился, - снял со второго выстрела. Здорово, да?

- Молодец, - рябой ногой перевернул тело, - а в бок тоже ты стрельнул?

- Это я, - сказал Травин, - подумал, может, вы его допросить захотите. А товарищ ваш по-другому рассудил.

- Много ты понимаешь, - низенький крепче сжал винтовку, - шляпа гражданская, будем мы ещё перед всякой сволочью расшаркиваться.

- А товарищ водитель прав, - Егор усмехнулся, - порасспросить иногда не мешает, ты, Фимка, торопишься, подумать иногда следует, прежде чем палить. Я же сказал, снять осторожно.

- Да вы что! – Фима в сердцах плюнул, - этот гад гад Гришу подстрелил.

- Какого Гришу, Григория Михайловича? - Люда, запыхавшаяся и покрасневшая, только что добежала и услышала последние слова, - что с ним, он жив?

- Его самого, вижу, уже успели познакомиться. Мы тут посторожим, а вы погодите чуток, и как только команда будет, нужно раненых доставить.

- Удостоверение покажи сперва, - Травин пистолет так и не бросил.

Рябой вытащил из внутреннего кармана книжечку, протянул Сергею так, чтобы тот смог разглядеть.

- Убедился?

Прибежавшие вполне могли быть сообщниками привидений, однако сразу стрелять не стали, и вели себя уверенно, поэтому Травин кивнул.

- Сейчас машину сюда пригоню. Карапет Иванович, этого я по голове треснул.

Но Агамалов и без подсказки уже опустилсь возле второго бандита, пощупал пульс, покачал головой, переместился к первому, поднял веко, посветил фонарём в глаз.

- Жить будет.

В санитарный автомобиль загрузили бессознательное тело преступника, на пассажирское кресло уселся Фима в обнимку с винтовкой, и уверенно показывал дорогу. Обогнули сквер с северной стороны, и оказались на главной аллее, ведущей к трибунам. Здесь стоял милицкий грузовик, люди в форме грузили в него задержанных, поодаль валялись два трупа, накрытых простынями, один человек в меховой шубе сидел на подстеленной шинели, зажимая бок, Агамалов занялся сперва им, второй раненый держал тряпку у головы, пуля прошла вскользь, содрав кожу возле уха. Свистунов стоял, опираясь на капот открытого автомобиля, у него было прострелено плечо. Фельдшерица Люда, увидев, что её новое увлечение ранили, тут же заставила Гришу залезть в санитарный фургон, и там обрабатывала рану, Травин достал папиросы, закурил.

- На ходулях бегали? - спросил он у Фимы.

- Ага, сволочи, приделывают к ним пружины, и рожи фосфором мажут, чтобы напугать, - охотно ответил тот. - У нас такое недавно, а в Ленинграде ихнюю банду разогнали ещё в 20-м, и там бандиты посмекалистее были, зря людей не убивали, раздевали только, а эти словно звери, мало того, что обкрадут, так ещё и жизни лишат. С осени за ними гоняемся. Ну что, всех погрузили? Смотри, довези в целости и сохранности, а то..

- Что то? - Травин усмехнулся.

Фима, видимо, хотел добавить что-нибудь для солидности, но только глазами сверкнул и нахмурился грозно.

- Побережнее, пожалуйста, - поправил его подошедший мужчина в очках, - у нас кадры наперечёт, не хотелось бы ребят потерять. Сейчас ещё двоих принесут, со стороны кладбища, разместимся, товарищ доктор?

- Троих возмём, - отозвался Агамалов, - я с ними поеду, а фельдшера нашего к водителю посадим. Носилки в два яруса, и одного на диван.

Со стороны Ваганькова бежали люди, они несли на растянутой одежде двух раненых, одного - с физиономией, перепачканной светящейся краской. Судя по всему, ранения были серьёзные, потому что Карапет Иванович скомандовал побыстрее их грузить. Оперативник с царапиной на голове ехать в больницу категорически отказался, в санитарный отсек загрузили двух новоприбывших, и агента в меховой шубе, рядом с Травиным уселся Гриша, а у двери кое-как пристроилась Людочка, млея от счастья и в то же время очень волнуясь. Сергей развернулся, и погнал в Шереметьевскую больницу, распуская запоздалых прохожих и извозчиков резкими гудками и разгоняя светом фар начавшуюся метель. Свистунов держался молодцом, хотя глаза сами закрывались, а голова то и дело норовила упасть на бок, он, чтобы не провалиться в забытие, пытался говорить, травил байки из солдатской жизни, и ненавязчиво задавал вопросы водителю. Молодой человек и сам умел допрашивать, поэтому на уловку не поддавался. Если говорить правду, но не всю, на лжи поймать человека почти невозможно. Между тем Гриша сильно побледнел, речь стала несвязной, Травин подумал, что для лёгкого ранения в плечо состояние слишком серьёзное. Незванова тоже это заметила.

- Серёжа, что с ним, - она осторожно потрясла Свистунова за плечо, - Георгий Михайлович, ответьте.

Гриша не отвечал, голова его свесилась на грудь и болталась вместе с кабиной. Люда побледнела, хотела было заорать, чтобы Сергей прибавил ходу, но тот и так ускорился, как только мог, к входу в приёмный покой он подлетел, затормозив юзом, но аккуратно, машину развернуло задней дверью к лестнице.

Их уже ждали, старший дежурный врач Сергей Моисеевич Кабачник стоял, готовясь распределить раненых по палатам и операционным. Сергей выволок Свистунова из машины, подтащил к доктору, галифе у агента набухло от крови, от сапога тянулся кровавый след.

- Ранение в плечо, но вроде и ноге досталось.

Кабачник прощупал пульс, оттянул веко, кивнул медсестре

- В третью операционную, как можно быстрее, и кровь туда. Сообщите Юдину, что нужно срочное переливание. Люда, ты чего?

Незванова вцепилась в каталку, заявила, что сама отвезёт Свистунова на операцию, а когда её попытались оттащить, закатила истерику.

- Что это с ней? – поинтересовался доктор, переходя к другим пациентам, которых вытаскивали санитары.

- Любовь, - вздохнул Сергей, заглушил двигатель, и отправился перекусить.

Глава 05.

17 января 1926 года, воскресенье

Совещание у Емельянова, начальника Московского губернского управления уголовного розыска, началось в половине восьмого утра. Несмотря на выходной, большой кабинет в здании на Гнездниковском переулке был заполнен народом и табачным дымом, у собравшихся здесь царило приподнятое настроение. Минувшей ночью разгромили банду «прыгунцов», промышлявших разбоем в районе ипподрома. Члены банды мазали себе лица светящейся смесью, надевали белые балахоны, сшитые из простыней, приделывали к ходулям пружины, и в таком виде нападали на посетителей ресторанов и варьете, которые забредали в безлюдные места. Жертва, увидев страшное чудовище ростом под два с половиной метра, впадала в ступор, её грабили и часто убивали, с октября прошлого года в районе Ваганькова кладбища нашли больше трёх десятков раздетых догола трупов мужчин и женщин. Прыгунцы выходили на охоту не каждый день, почти две недели агенты уголовного розыска, переодетые в подвыпивших нэпманов, гуляли в темноте, приманивая бандитов «на живца», и только вчера рыбка клюнула. Бандиты просто так не сдались, отстреливались ожесточённо, двух членов банды убили на месте, ещё четверых задержали, по наводке взяли двух членов банды, которые отлёживались, пока другие грабили и убивали, уголовный розыск временно потерял трёх агентов с серьёзными ранениями, доставленных в больницу, и одного с лёгкой контузией, который к утру ещё не до конца оклемался.

- Ну что же, товарищи, большое дело сделали, - подвёл итоги помощник начальника Аренсон, - ещё одну банду к ногтю прижали, надеюсь, суд не станет миндальничать, и вкатит этим сволочам высшую меру социальной справедливости, так, Аркадий Борисович?

Помощник губпрокурора Островский, приставленный к уголовному розыску, уверенно кивнул.

- Ну вот и славно, - сказал Емельянов, - на этом пока закончим, вроде ничего архиважного вчера не произошло, так ведь? Сейчас, по горячим, так сказать, следам результаты имеются, но допросы продолжаются, и другие элементы криминальные не дремлют, работы непочатый край. Спасибо, товарищи, все свободны. Ты, Николай Филиппович, погоди бежать, прошу, задержись на минутку. И вы, товарищ Островский

Уполномоченный первой группы Осипов обождал, пока все, кроме Островского и Аренсона, выйдут, пересел поближе.

- Чего такой кислый? - поинтересовался начальник, - банду накрыли, молодцы, и второй район сработал как надо, и твои отличились, а что ранили, так в больнице говорят, выкарабкаются ребята. Выкладывай, как есть.

- Не всё так радужно, Василий Васильевич, - Осипов потёр переносицу, - допрашиваем этих гавриков, судя по их словам, ещё один бандит там был, и нам не попался. Мы их по одному рассадил, и сказали, что все ихние живы, и от показаний не отказываются, так бандиты хоть и валят убийства друг на дружку, но говорят, будто тот, кого в спину шмальнули, их главарь Моня Кривой, это его идея была. Только один обмолвился, что у Кривого дружок был, который, якобы, ему идейку с ходулями подкинул. Правда, прыгунца этого по башке стукнули, и словам его веры мало, но всё же, кличку дружка он назвал.

- Ты не в театре, Коля, - Емельянов улыбнулся, - выкладывай без этих пауз.

- Аспид. Он вроде как на их бандитский променад являлся, и наблюдал, что да как происходит. В этот-то раз мы всех, кто в балахонах, взяли, любопытствующих тоже задерживали, но ни один под приметы этого Аспида не подходит.

Начальник уголовного розыска закурил, откинулся на спинку кресла. Аспид считался личностью неуловимой, почти мифической, как именно он выглядел, на допросах рассказывали многие, и в разное время по-разному, менялся цвет волос, появлялись усы и борода, даже рост не совпадал, подозревали, что под этой кличкой действует несколько человек. Обычно Аспид в гущу событий не лез, больше приглядывал, однако иногда и сам убийствами не гнушался. В сентябре прошлого года ограбили склад с мануфактурой, сторожа и двух грузчиков зарезали на месте, каким-то образом заставив открыть заднюю дверь, товар вывезли на подводах, арендованных через биржу, погрузили в товарный вагон, предъявив липовые квитанции, но в Ярославль вагон пришёл уже пустым. Бандитов задержали, и они уверяли, будто Аспид не только всё организовал, но и участвовал деятельно. Сам Емельянов не исключал возможности, что никакого Аспида не существует, его выдумывают, чтобы было на кого свалить свои преступления, и что самое плохое, некоторым это позволяло уйти от наказания - советские суды иногда оправдывали пролетариев, которых с истинного пути сбил неизвестный наверняка буржуазного происхождения.

- Аспид, значит, - протянул помощник губпрокурора Островский, - что агенты говорят на улицах?

Он-то как раз в неуловимого бандита верил, и даже про себя называл его советским Мориарти.

- Да кроме самих бандитов, про этого Аспида никто ничего не слышал, - вздохнул Осипов, - если он и существует, то наверняка живёт простой парень под обычным именем, может быть, даже на работу ходит в советское учреждение, или в лавке торгует. Как Парамонов, помните такого, днём ветчину взвешивал, а по ночам людей топором рубил.

- Но тот-то поглупее был, его быстро поймали и расстреляли. Всего пятерых и успел прикончить.

- Так-то всего, - Осипов сжал кулаки до белых костяшек, - а ты бы на семьи их посмотрел, одного прямо на глазах у детей Парамонов кончал, тогда, кстати, его и взяли, гниду, прямо на месте.

- Да я не в том смысле. - примирительно сказал помощник губпрокурора, - все они сволочи, только одних быстро удаётся поймать, а другие, вон, на свободе гуляют. И заметить хочу, иногда по вашей недоработке, товарищи.

- С нашей работой мы справляемся, - Емельянов чуть шевельнул плечом, два ордена Красное Знамя блеснули на лацкане пиджака, - если бы не освобождали этих сволочей по их происхождению, глядишь, на улицах меньше стало всякой швали.

- Не мы, а суд, советский суд, между прочим, - Островский поправил воротник рубахи, сдавивший горло, - прокуратура приговоры не выносит. Аспид этот, вы уж извините, Василий Васильевич, как бельмо на глазу, человек-невидимка уэллсовский, третий год за ним гоняемся, всё без толку.

На самом деле упрёк Емельянова был по делу. С лета прошлого года вместо Швердина, выпускника Московского университета и потомственного юриста, губернским прокурором назначили Фёдора Шумятского. Шумятский учился в своё время не на юриста, а на железнодорожника, юристом же стал благодаря своей революционной деятельности, считал, что у него самого всё отлично получается, поэтому очень ратовал за смену руководящего прокурорского и следственного состава на выдвиженцев. Он уже реализовывал идею шестимесячных курсов для пролетариата, и требовал от подчинённых, чтобы обвинения учитывали классовое происхождение преступника.

- Согласен, - кивнул начальник МУУРа, - пора поймать этого неуловимого Аспида. Ну что, Николай Филиппович, справитесь?

- Куда мы денемся, - устало кивнул Осипов, - поймаем, конечно, рано или поздно. То есть рано. Тут ещё вот что хотел доложить, опять же по горячим следам. Преступники награбленное

свозили в Марьину Рошу, на малину ветошную неподалёку от Лазаревского кладбища, так мы туда сунулись, и одно барахло нашли, ценных вещей нет, а куда делись, хозяйка не знает, потому как в дела воровские не лезла. И про Аспида никогда не слышала, однако вот что интересно, вспомнила, как заходил к ней два или три раза с Моне́й Косым один фраер, вроде не при делах, но мохнатый, кошей с бабками вертел без опаски, вот она и удивилась, с чего это Косой со всякими лохами водится.

- Ты, Николай Филиппович, скоро говорить на блатной музыке будешь лучше, чем по-русски, - улыбнулся Емельянов.

- Извините, товарищ начальник, в общем, богатый, бумажник у него червонцами набит, не из воров. Описала его так - средний рост, обходительный, волосы короткие, светлые, глаза серые, пальцы длинные, как у музыканта или карманника. И голос, когда волнуется, высокий, сразу не поймёшь, парень или девка.

- Аспид это, нутром чую, - тут же заявил Островский.

- Эх, Аркадий Борисович, айда к нам в группу, - Осипов зевнул, - сразу вычислишь гада. Да шучу я, у каждого своя работа, каждая важна, только и ты пойми, дурака не валяем, вон, ребята круглые сутки привлечены, с ног падают, и то не успевают везде, про семьи и забыли уже. Хорошо хоть мотобригады ночные организуют к весне, полегче станет. Поймаем мы твоего уголовного гения, будь уверен, не может такого быть, чтобы бандит ушёл безнаказанным, не такая у него конституция, как бы не осторожничал. А теперь, с вашего разрешения, Василий Васильевич, пойду вздремну с полчаса, уж больно в сон клонит.

Травин отлично выспался на диване в общей комнате, целиком он на нём не помещался, ноги свисали с подлокотника, а рука почти упиралась локтем в пол, но такие неудобства он не замечал. Этой ночью самоубийцы, жертвы бандитов, ревнивых мужей и пьяных приятелей решили взять выходной, и вызовов, если не считать приключения возле ипподрома, почти не было. Один экипаж так и остался стоять в гараже, а второй сменил Сергея в четыре утра, так что досыпал молодой человек уже на складе, за столом. Ровно в девять часов он отметился у Фёдорова, который только-только заступил на свой пост, остальные водители ночной смены уже ушли.

- Куда вас ночью гоняли? - любопытствовал инвалид.

- Да так, - Сергей решил не распространяться особо о своей роли в поимке бандитов, - милицейская операция. Постояли в переулке, потом погрузили раненых, отвезли, делов на копейку. Вот скажи, Пётр Лукич, у тебя есть мечта?

Фёдоров опешил, наморщил лоб, пытаясь понять, к чему это водитель задал такой вопрос.

- Не знаю, - наконец разродился он, - дочку вон замуж выдаю, так хахаль её, подлец, на приданное намекает, мол, давайте, родственники, раскошеливайтесь, шифоньеру им покупай да подушки пуховые. А где я денег возьму, ежели кроме голого оклада ничего не имею? Мечта, она хороша, коли других забот нету. А у тебя никак есть?

- На аэропланах хочу летать.

- Тьху, - Фёдоров сплюнул, - скажешь тоже, ераплан. Слышь, Мотя, богатырь наш чего чудит.

- Что произошло? - Погребняк, который походил мимо, с интересом посмотрел на Травина.

- Про мечту мы разговор завели, - объяснил Сергей, - вот я Петру Лукичу и говорю, мол, хочу на самолётах летать. А он сразу в контру.

- Эх, товарищ Фёдоров, закорузлый ты человек, - Погребняк потёр ладони, - это же здорово, как птица взмыть к небу, окинуть взглядом нашу планету, люди такие маленькие там

ходят, словно букашки, паровозы крошечные снуют, туда-сюда, а ты летишь, словно орёл. Кстати, Серёга, на Ходынке аэроклуб есть, от Осоавиахима, с апреля, как снег сойдёт, можно записаться, оттуда ещё каждую неделю в Германию Фоккеры летают, тыща двести километров до Кёнигсберга, с посадками, только билет дорогой.

- Сколько? - заинтересовался начсмены.

- Двенадцать червонцев, - Матвей растопырил пальцы.

- Фу ты, да за такие деньжищи никаких германий не нужно, и так их видали, фрицев этих, - Фёдоров прижал пустой рукав, - молодёжь, одно название, все денежки профукаете, а потом на что кушать будете? Вона, у Серёги мотоцикл, у тебя лисапед, я тоже не дурак и газеты почитываю, понимаю, прогресс и коммунизм впереди виднеется, только пузо, оно каждый день еды требует.

- И дочкин хахаль, - напомнил Травин.

Фёдоров поскущел, взял карандаш, чтобы проставить отметку в журнале.

- Красницкого нет, - сказал он, - сколько сейчас, уже десятый?

Сергей посмотрел на наручные часы, они показывали девять без пяти минут, и секундная стрелка не двигалась. У настенного хронометра дела обстояли получше, минутная упёрлась в двойку.

- Где его черти носят, - начальник смены раздражённо хлопнул толстой книгой по столу, - вдруг напился, сволочь, уволю к чёртовой матери. Серёга, погоди чуток, не в службу, а в дружбу, погляди у ворот, где там это олух, небось папиросы с кладовщиками смолит, байки свои травит, а тут машина без шофера, неровён час из скорой оформят все экипажи.

Зазвонил телефон, Фёдоров поднял трубку, прижал плечом к уху, пододвинул книгу вызовов, заорал:

- Погребняк, одна машина уехала, дуй в больничку.

Когда Сергей выходил из ворот, мимо него промчался Мерседес скорой помощи, Мотя даже порожняком гнал, как на пожар. У небольшого пятачка возле стены гаража, где обычно собирались курильщики, Лёни Красницкого видно не было. Травин вдохнул полной грудью утренний морозный воздух, пропитанный дымом печей и запахами кухонь, проводил глазами колонну из десяти лыжников, бегущих в сторону Петровского парка. По укатанной улице лыжи проскальзывали, но любителей зимних прогулок это не смущало, они бодро отталкивались палками и сосредоточенно смотрели вперёд.

- Тоже сегодня пойду, прокачусь, - пробормотал молодой человек, - времени свободного уйма, хоть иди опять вагоны разгружай.

Из-за угла вынырнул мальчишка в расстёгнутой шубейке, в валенках и с рыжей вихрастой головой, шапку он держал в руках, отчего уши на морозе цветом стали как раки варёные. Сергей с семьями своих сослуживцев знакомился по случаю, и этого пацана знал хорошо. Красницкий-младший отирался в гараже после школы, когда отец был на смене, потому как сидеть дома с ним было некому. Только сегодня день был неподходящий, воскресенье.

- Федька, куда спешишь?

- Ой, дядя Серёжа, беда, - рыжий затормозил, чуть было не растянувшись на укатанном снегу, - папка заболел, животом мается, чуть поест, и выворачивает, собрался, думал сюда идти, мамка не пустила, вцепилась в него, как клещ, велела передать, что доктора позовёт, а он в неё валенком кидает, и добросить не может.

- Ага, ну пошли, - Травин ухватил пацана за руку, - сейчас чего-нибудь придумаем.

Фёдоров новость воспринял с виду невозмутимо, только карандаш сломал единственной рукой.

- Сергей Олегович, выручай, знаю, что смену оттарабанил, и выходной впереди, но положение безвыходное, - сказал он, - никого лишнего перевести не могу, все при деле, а пока до кого-нибудь из следующей смены доберусь, часа два пройдёт, а то и больше. Отстоишь? Хотя

бы до полудня, а там сменят. Тебя последнего на вызов поставлю, просто вон на складе сиди, да газетку читай.

- Можно не менять, чего там, если надо, досплю на ходу. Только видишь какое дело, надо Лёньку выручать. Я сейчас выеду за Красницким, заберу его, и сразу в Шереметьевскую, вызов попрошу оформить, и там останусь.

- Вот же ты дорогой мой человек, - расцвёл начсмены, - но учти, следующий выход тебе никто не сымает, чтоб как штык был в понедельник утром. Что, если товарищ Шульц спросит, почему ты заместо порядка кинулся к больному?

- Вали всё на меня, - Травин пожал плечами, - скажешь, обманом машину угнал, паразит такой. В худшем случае оштрафуют меня за этот день, не велика потеря.

- Нет, так дело не пойдёт, - по глазам Фёдорова было видно, что это предложение ему понравилось, но совесть не давала согласиться, - вместе отдуваться будем. Ты предложил, я разрешил. Федька, полезай вон в тот автомобиль, а я пока наряд оформлю.

Красницкие жили на Малой Бронной, возле Патриаршего пруда, адрес Сергей знал, иногда заходил к ним, когда катался на коньках. Дружная семья занимала комнату на втором этаже в доходном доме Смирновского.

Леонид и вправду был совсем плох, серо-землистый цвет лица гармонировал с криво застёгнутой застиранной гимнастёркой, он еле ворочал языком, отворачивался от света, прикрывая ладонью глаза, а когда встал с кровати, то и шага сделать не смог, чуть на пол не свалился. Травин подхватил его на руки, донёс до машины, помог его жене забраться внутрь, и погнал к Шереметьевской больнице. Там медсестра посоветовала было обратиться в амбулаторию, которая открывалась в половине одиннадцатого, но Красницкого вырвало кровью прямо на пол.

- Непорядок это, - сказал старший дежурный врач Крылов, распорядившись принять больного, - неотложная помощь у нас по районам оказывается, работает человек водителем скорой помощи или нет. Но раз уж здесь, вылечим, или направим по профилю в больницу. Вы, гражданочка, обождите, докторам лучше плачем и оханьем не мешать. А вас, Сергей Олегович, попрошу больше не поступать подобным образом, оформляйте вызов, как положено, по телефону.

- Так ситуация срочная, - Травин развёл руками. - Человек может быть при смерти, пока телефон отыщут, врач от неотложки появится, потом позвонит сюда, в бюро перевозок, диспетчер автомобиль вызовет, опять же из нашего гаража, часа три пройдёт, а то и больше.

- В нашем деле сплошные ситуации, - Крылов криво улыбнулся, - ну раз уж решили две смены подряд отдежурить, пеняйте на себя, сегодня выходной, думается мне, трезвонить начнут не переставая.

Тут дежурный врач был прав. Воскресные смены всегда выдавались напряжёнными, все пять машин курсировали по Москве, от центра до самых отдалённых районов, разгоняя сигналами извозчиков и зазевавшихся прохожих. Травин привёз инженера, свалившегося с балкона четвёртого этажа, пожилую женщину, которую ударило повозкой возле трёх вокзалов, и одного малоизвестного писателя - этот по причине творческого кризиса решил отравиться газом на коммунальной кухне.

Только часа в два наступило затишье, из шоферов незанятыми оставались трое, те, кто работал в свою смену, уселись обедать, Сергей от предложенной еды отказался, решил, что лучше вздремнёт, улёгся на диване, но не успел провалиться в сон - молодого человека похлопали по плечу.

- Там вас девушка спрашивает, - перед ним стояла доктор Кругликова. - Доигрались, Сергей Олегович.

- Какая девушка?

- Мне откуда знать. К больному Румянцеву пришла, и требует водителя, который привёз. Помните, гнали, как на пожар, третьего дня, а ведь я вам говорила.

- Это к старику? Так он же помер.

- К другому, - видно было, что Кругликова пытается сдержать улыбку, - которого перед этим доставили. Так и сказала, а ну подайте мне этого торопыгу немедленно.

- Подождёт, - решил Сергей.

Если уж кто-то собирался ему высказывать претензии, то выслушивать их лучше отдохнувшим, в хорошем расположении духа.

- Так я сказала, чтобы она искала вас здесь.

Варвара Алексеевна поджала губы, и из поля зрения исчезла.

- Ты чего натворил? - один из сменщиков, Федя Губарь, вытирал рот куском марли.

- Знать не знаю, - почти честно ответил Сергей, и закрыл глаза.

Обычно больные не жаловались на то, что их слишком быстро везли - сперва у них не было на это сил, а потом, выписавшись, многие поездку вспоминали с удовольствием, не каждого вот так промчат по Москве на бешеной скорости, да ещё на импортном автомобиле. Травин старался не перебарщивать, если и гнал, то осторожно, ещё ни разу в аварию не попал, скорость в пятьдесят вёрст в час он большой не считал.

- Извините, - раздался мелодичный женский голос, - а кто из вас Сергей?

- Они Сергей, вон лежат, отдыхают.

Травин открыл один глаз, и замер. Возле стола стояла девушка, при виде которой сердце, прошедшее три войны, сперва остановилось, а потом застрочило со скоростью пулемётной очереди.

Чёрные волосы падали кудряшками на плечи, тёмно-синие, почти фиолетовые глаза смотрели чуть вскользь, над пухлыми по-детски губами темнела родинка. Она была высокой и хрупкой, в простом сером платье с кружевным воротничком и накинутой поверх потёртой шалью с кисточками.

При виде Сергея глаза распахнулись, рот чуть приоткрылся, словно гостья вдруг заметила что-то необычное. Её пальцы, сжатые в кулаки, разжались, и она машинально поправила прядь волос, упавшую на лоб. Девушка поёжилась, прижимая к груди потрёпанную сумочку.

- Мы пойдём покурим, - Губарь подмигнул Травину, подхватил напарника и потащил его к двери, - а вы садитесь, гражданочка, хотите, чаю налейте, кипяточек свежий.

Девушка аккуратно развернула стул лицом к дивану, села, сложив руки на коленях. Пальцы она сплела и сжала, и упорно отказывалась смотреть прямо на Травина.

- Вы точно Сергей? - спросила она неуверенно.

Травин к этому моменту успел прийти в себя, поднялся, одёрнул пиджак, кашлянул.

- Точно.

- Меня зовут Вера Новлянская. Здесь жених лежит, в больнице, Коля Румянцев, доктор сказала, что, если бы его не привезли так быстро, он бы умер. Вы ведь это сделали, правда? Вы его спасли?

Она опустила глаза, на ресницах блеснула слезинка, а Сергей с отвращением прогнал глупую, мерзкую и совершенно неуместную мысль - может быть, именно в тот раз торопиться не стоило.

Глава 06.

К вечеру наваждение немного спало, Сергей даже над собой подсмеивался, чего это он так на появление чужой невесты отреагировал, не иначе как гормоны взбунтовались. Из гаража Травин вышел с мыслью, что неплохо бы после ужина навеститься к Панову, и что Измайлов-младший, наверное, до сих пор сидит на чердаке. С Бори Измайлова мысли сперва перетекли к его сестре, а затем к её подруге из варьете, и вторую половину пути от Миусской площади до Вадковского переулочка Сергей переходил с шага на бег и обратно, хотя и понимал, что торопиться уже поздно. О том, что они с танцовщицей собирались в семь часов вечера встретиться у него дома, чтобы сходить куда-нибудь вместе поужинать, а потом отправиться в цирк на Садовую, где Капа выступала, он в суете забыл. Комната, как и ожидалось, была пуста, женщина оставила ему на кровати гневную записку, в которой просила больше не звонить и не появляться.

- Не везёт мне в личной жизни, - Травин два раза прочитал послание, где его три раза называли подлецом, - сам виноват, голова дырявая.

Представление в варьете на Садовой начиналось в десять, стоило шикануть, купить большой букет цветов, или какую-нибудь дорогую безделушку, навряд ли колечко с камушком, и попробовать появиться в гримёрной. А можно было оставить всё как есть, образ хрупкой черноволосой девушки с родинкой над верхней губой, появившейся сегодня в больнице, у Травина из головы никак не исчезал.

- Извинюсь, и на этом всё, - решил молодой человек, пересчитывая деньги и прикидывая, сколько оставить до получки. – Цветы куплю, оставлю в гримёрной с запиской. Ну или колечко.

Ювелирные магазины на Кузнецком Мосту или в Столешниковом переулочке закрывались в восемь вечера, возле театров можно было купить букет, но не всегда. Летом товар везли из окрестных деревень с избытком, зимой цветок шёл дорогой и редкий, оранжерейный. Сергей заранее смирился с потерей одного, а то двух червонцев, Капа, хоть и порвала с ним первая, заслуживала последний знак внимания.

Но сперва Травин зашёл к Измайловым. На двери висел замок, ключ от него на этот раз забрали, на стук никто не подошёл. Чердак тоже оказался пустым, Боря аккуратно прибрал за собой и куда-то исчез. Возможно, он уже побывал у Панова, и всё рассказал, или сбежал и где-то скрывался. Если что-то случилось, то Маша наверняка бы сообщила привычным способом - на клочке бумаги. Молодой человек забрал из своей комнаты адрес адвоката, чтобы зайти к нему ближе к полуночи, и узнать последние новости наверняка, переоделся, и почти уже вышел на Вадковский переулочек через арку, но по привычке вскинул запястье, поглядел на замершие часы, и понял, что сами по себе они не починятся.

В каретном сарае горел свет, ремонт пишущих машинок и хронометров шёл полным ходом, несмотря на выходной день и наступающую ночь. Кустарь-одиночка Усольцев сидел за столом и ковырялся во внутренностях Ундервуда, при виде позднего гостя он икнул, тут же широко улыбнулся.

- Привет, Серёга, - сказал он, - ты чего такой смурной? Может, выпил чего не того? Покупай госспирттрестовский продукт, он хоть и слабый, но чистый.

Рядом с разложенными в хаотичном порядке частями пишущей машинки стояли тарелка с окурками и запечатанная бутылка водки, на стене, между портретом Карла Маркса и плакатом, на котором женщина с рубленным лицом призывала искоренить неграмотность, грозя кривым указательным пальцем, висела вырезанная из журнала фотография Мэри Пикфорд.

- Я не пью, - напомнил молодой человек.

- Ну конечно, как я мог забыть, ты же у нас трезвенник. Так чего пришёл-то?

- Вот, - Сергей протянул свои часы, - стоят, хоть тресни. Так я их оставлю, а завтра зайду.

- Говорил же тебе, намаешься с ними. Механизм новый нужен, я их подкручу, но долго не протянут, так и будешь бегать ко мне. Завтра не получится, приходи во вторник, - часовщик кивнул на бутылку, взял у него рубль тридцать, выписал квитанцию, и небрежно бросил хронометр в ящик. – Прикупить новые не желаешь? У меня есть отличнейший экземпляр, вещь дорогая, но очень качественная, продаю по ненадобности.

- Сколько стоят?

- Ты сначала взгляни, а потом о цене спрашивай.

Усольцев пошарил в другом ящике, и достал квадратные золотые часы, которые Травин не так давно видел на тумбочке у Измайловой. Молодой человек повертел их в руках, полюбовавшись на вензель из двух переплетённых букв и надпись на французском языке «Лучше поздно, чем никогда». Корпус кое-как отполировали, хотя глубокие царапины всё равно никуда не делись. Ремешок едва сходил, золотой квадрат с белым циферблатом терялся на мощном запястье.

- Занятная вещь, и фирма известная в ювелирных кругах. Я в них поковырялся, корпус золотой, фирма французская, известная, а механизм швейцарский, в этом они молодцы, надёжность исключительная, хотя если швырять куда ни попадя, конечно, никакой экземпляр не выдержит. Заводить можно раз в день, и даже реже, если забудешь, сохранил бы себе, но...

- Усольцев сделал широкий жест рукой, настенные ходики, башенные часы и настольные хронометры, которых в его мастерской было в избытке, все показывали разное время.

- Где взял?

- Родственник оставил, - отведя глаза, сказал мастер, - безвременно почивший.

- Родственник, говоришь?

- Ага.

- Давно помер? – как бы невзначай поинтересовался Травин.

- Позавчера, - моментально ответил Усольцев, - сам видишь, скорблю. Поминаю, хоть это и пережиток.

- Что-то тут не сходится, - Сергей покачал часами, держа их за ремешок, а когда часовщик протянул руку, чтобы забрать, приподнял их повыше. – Родственника случаем зовут не Мария Аркадьевна Измайлова, из этого дома жилица?

- Откуда знаешь?

- Видел у неё.

- Вот Машка, женское существо, сама же просила, чтобы никому не говорил. Ладно, твоя взяла, нет никакого родственника, она принесла и просила продать. Часы и вправду хороши, им цена пятнадцать червонцев, если новые, ну а так за шестьдесят, даже семьдесят рубликов, дешевле не купишь. Я к Семёну Гольцману ходил, в лавку ювелирную на Новослободской, он два червонца за них предложил, жмот. И ни в какую, мол, царапины в наличии, пятое-десятое. Ну а что делать, штука не новая, пришлось их почистить и поправить, никак не ходили, сволочи, шестерёнка вылетела, да ещё стекло треснуто, где я такое отыщу. Возьми хотя бы ты, за сколько сможешь, я ей всё передам.

- Сорок восемь рублей могу дать, нет больше, - Сергей достал кошелёк, пересчитал бумажные деньги, добавил два серебряных рубля из отделения с мелочью, - остальное после получения занесу.

- Я Измайловой скажу, сколько есть, если будет ныть, что мало, добавишь, ну а если сойдёт, то и ладно.

- Как думаешь, если даме подарю, не великоваты будут?

- В самый раз, - часовщик, получив наличность, повеселел, - нынешние дамочки мужские брюки носят, курят папиросы и волосы коротко стригут, а ещё водку хлещут как извозчики, куда там нам, мужскому полу. Эмансипация. Так что зазноба твоя рада будет до безумия.

- Ты тогда тоже не говори, что мне продал, сам скажу.

- Само собой, могила. А теперь иди, мне ещё вон, с заказом асфальтобетонщиков ковыряться, они же, черти, долбят по клавишам изо всех сил, не понимают, что механизм нежный, он ласку любит и бережное обращение.

Второй госцирк располагался в доме номер 18 по Садовой улице. До революции заведение принадлежало братьям Никитиным, в 1919-м году его, как и остальные развлекательные учреждения, национализировали и передали Наркомпросу. Первые годы здесь выступали знаменитые цирковые артисты, но постепенно программу начали разбавлять куплетисты и чечёточники, на манеж выходили поэты, публике показывали кинофильмы, а к 26-му году здесь прописался мюзик-холл. Сеансы шли по полтора-два часа без антракта, первый начинался в шесть вечера, а последний, третий – в десять, кино крутили в восемь. Стоили билеты от тридцати пяти копеек до рубля с четвертью, за ложу требовали червонец, зал вмещал полторы тысячи зрителей, свободных мест почти не оставалось. Особенным успехом пользовались выступления фокусников и номер с усыплением крокодила, которому в пасть клали живую курицу и человеческую голову из папье-маше.

Руководил цирком Альберт Брокш, бывший владелец кино-театра «Художественный» и нескольких доходных домов. Сам Брокш в своей камерке с табличкой «Администратор» появлялся по вторникам и пятницам, в остальные дни недели его место занимала дочь Нина Альбертовна, которая лично следила за тем, чтобы по служебным помещениям во время представлений не шлялись посторонние.

- К Масловой? Вы здесь у колонны обождите, если каждый начнёт к дамам в гримёрные врываться, беспорядок начнётся, - сказала она высоким, чуть писклявым голосом. – И зарубите себе на носу, являться к артисту, особенно к женщине, без цветов дурной тон, что бы там большевики не говорили. Прохор, проследи.

Швейцар угодливо кивнул, и заслонил тучной фигурой проход к гримёрным комнатам. Против Травина он бы и секунды не продержался, но молодой человек скандалы устраивать не стал, подумал, что так даже лучше, отдать прощальный подарок при свидетелях и уйти. Собственные часы лежали в ящике у Усолцева, он достал купленный хронометр – до окончания сеанса оставался ещё целый час.

- Маслова в каком номере выступает? – спросил он у швейцара, предложив папиросу.

- Курить не положено, Нина Альбертовна не разрешают, - Прохор папиросу взял, засунул в карман, туда же положил протянутый полтинник, - Капка с фокусником индейским, он обезьянок мучает, паразиты такие, через обруч прыгают в ящик, и пропадают, а она, значит, рожи публике корчит да ноги показывает. Публика, доложу, измелъчала, особливо в шесть вечера, шваль всякая сидит и глазеет. Вот вы, товарищ по какой части доход имеете?

- Автомобиль вожу медицинский.

- Вижу, что на эппмана не похожи, а ведь нашим девицам всё буржуев подавай, чтобы шипучка брызгами, браслетики там всякие и прочие финтифлюшки. Сколько на ваших? Ага. Куплетисты отпелись, сейчас, поди, чечеточники выступают, под музыку ботинками бьют, как они закончат, фокусник начнёт, вот и считайте, на каждого по двадцать минут. Через половину часа появится сердешная. Вы, товарищ, чем тут маячить, в буфет спуститесь, а как Капка нарисует, я её предупрежу, чтобы, значит, свиделись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.